

КРЫМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ И
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ

КРЫМСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК УКРАИНЫ

У ПОНТА ЕВКСИНСКОГО (ПАМЯТИ ПАВЛА НИКОЛАЕВИЧА ШУЛЬЦА)

Симферополь
2004

Шульц П. Н.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ НЕАПОЛЯ СКИФСКОГО (1827 – 1941 гг.) *

В течение многих лет особое место в исследованиях Неаполя скифского принадлежало памятникам архитектуры, скульптуры и живописи, позволившим выдвинуть проблему своеобразия художественной культуры поздних скифов.

В нашем обзоре истории исследований городища и некрополя, в соответствии с темой работы, будет уделено основное внимание открытиям памятников скульптуры и живописи. Попутно мы будем касаться других вопросов и материалов, связанных с той исторической средой и условиями, в которых развивались и бытовали скульптура и живопись Неаполя скифского.

Первые открытия и раскопки на городище относятся к 1827 г. В двадцатые годы подъем русской общественной мысли способствовал повышению интереса к прошлому страны. Крым ранее изучали отдельные путешественники, отечественные и зарубежные. Иногда это были ученые, такие как К.И. Габлиц, П.С. Паллас, Э.Д. Кларк, Г.К. Кёлер, иногда просвещенные любители, например, П.И. Сумароков¹.

В двадцатые годы Тавриду начали гораздо шире посещать ученые и поэты и просто образованные люди. Крым привлекал их не только экзотической природой, но и своими историческими сокровищами. Его стали более систематически изучать и описывать. Сюда приезжали А.С. Пушкин и Адам Мицкевич. Для Пушкина Таврида была «страной воспоминаний исторических». И.М. Муравьев-Апостол написал книгу о своем путешествии по Тавриде². А.С. Грибоедов писал о Крыме своим друзьям³.

В эти годы продолжает неутомимую деятельность по изучению древностей Крыма П.А. Дюбрюкс и начинают работать ученые-археологи И.А. Стамповский и его преемник и последователь И.П. Бларамберг и другие. Обстановка непрерывно возрастающего интереса к историческому прошлому Крыма способствовала появлению собирателей древностей и любителей монет и в Симферополе. Среди них в первую очередь назовем известного ботаника Х.Х. Стевена и жителя города А.И. Султана-Крым-Гирея. Последнему мы обязаны спасением уникальных надписей и рельефов с городища Керменчик на юго-восточной окраине г. Симферополя.

В конце апреля 1827 г. на городище при добыче строительного камня случайно были обнаружены плиты с рельефами и надписями. Впоследствии эти памятники надолго приковали к себе внимание ряда русских и иностранных археологов и филологов, историков и нумизматов⁴.

В подвале среди камней, которые вывозились татарином с городища для своей постройки, Султан-Крым-Гирей заметил одну известняковую плиту и два мраморных обломка с надписями на древнегреческом языке⁵. Тут же находился известняковый рельеф с изображением молодого безбородого ски-

фа на коне (табл. Ш - 1У). Султан-Крым-Гирей приобрел эти камни.

С его коллекцией познакомился Х.Х. Стевен, а затем он же осмотрел Керменчик. 28 апреля 1827 года он записал в своем дневнике: «Видал у А.И. Султана-Крым-Гирея 130 монет, найденных близ города. Монеты все римские (от Нерона до Макрина, П.Ш.) и только две греческие (1 Александра и 1 Лисимаха).

... У Султана же видел камень с изображением воина на коне, плохой работы на песчанике; еще видел два камня с греческими надписями». В этом же дневнике Стевен первый дал краткое описание городища⁶.

О находке рельефов Султан-Крым-Гирей сообщил И.П. Бларамбергу, директору Керченского и Одесского музеев. Он тотчас же выехал в Симферополь, осмотрел городище и найденные на нем памятники, в первую очередь, надписи.

На первой, самой большой, но плохо сохранившейся плите (рис. 11,а) были хорошо видны три выемки для укрепления бронзовой, может быть, конной статуи. На лицевой стороне постамента - надпись, в которой упоминается имя скифского царя Скилура⁷. Известно, что Скилур во второй половине II в. до н.э. возглавил наступательную борьбу скифов против греческих городов Северного Причерноморья⁸. Сведения об этом содержатся у Страбона IUP, 4,3,71 и в декрете в честь Диофанта⁹. Судя по декрету, Страбону и ольвийским монетам с изображениями Скилура, не только Керкинитида, Калос-Лимен, но и Ольвия какое-то время находились под властью Скилура¹⁰.

Две другие надписи на мраморных постаментах статуи были посвятельными: одна - Зевсу Атабирскому (рис. 11,б), другая - Афине Линдии (рис. 1,в).

Бларамберг произвел первые раскопки на городище в том месте, где были найдены рельеф и надписи¹². Здесь через час после начала работ он нашел обломок небольшого мраморного рельефа, на котором сохранились изображения голов бородатого мужчины и юноши (табл. У-УП). Бларамберг сопоставил голову бородатого мужчины с профилем Скилура на Ольвийских монетах (рис. 6-7,2) и пришел к выводу, что на рельефе воспроизведен Скилур. Сравнив голову юноши (табл. VII) с головой всадника (III - IV) на известняковом рельефе, Бларамберг решил, что в обоих случаях это одно и то же лицо. Он выдвинул предположение, что это сын Скилура Палак, впоследствии ставший скифским царем¹³. Следует заметить, что сведения о Палаке, имеющиеся у Страбона [VII,4,3], позже хорошо подтвердились декретом в честь Диофанта¹⁴.

Изучение всех находок, купленных Султан-Крым-Гиреем и найденных на городище самим Бларамбергом, привело его к мысли, что Керменчик не что иное, как Неаполь скифский - крепость Скилура, ос-

* Публикуемая рукопись является одной из глав незавершенной докторской диссертации П.Н. Шульца «Скульптура, живопись и художественное ремесло Неаполя скифского».

нованная, по мнению Бларамберга, на месте греческой колонии родосцев.

По поводу рельефов Бларамберг писал: «Доводы, на основании которых мы приняли голову старика за царя Скилура, позволяют нам в то же время видеть его сына Палака, как в молодом человеке, стоящем впереди него, так и во всаднике на большом барельефе из твердого камня...»¹⁵.

Бларамберг первый обратил внимание на остатки южной оборонительной стены и на склепы, вырубленные в скале и расположенные около городища Керменчик. Он дал им название «сруntes funfaircs» и отметил их местоположение на плане Неаполя¹⁶. На этом же плане он обозначил линию крепостной стены, курган-зольник, места находок надписей и рельефов, а также клада монет. В книге, помимо этого, были помещены рисунки с надписями, изображения рельефов, монет и черепицы с клеймом (рис. 4-5). Эти рисунки, несмотря на условный характер и стилизацию во вкусе двадцатых годов XIX века, хорошо дополнили книгу и значительно повысили ее научную ценность.

Находки из Керменчика, приобретенные Султан-Крым-Гиреем, а также раскопанные Бларамбергом, поступили впоследствии в Одесский музей и хранятся там до сих пор. Где находится мраморный рельеф, в музей не поступивший, неизвестно.

Открытия на городище Керменчик, выводы Бларамберга о том, что на рельефах изображены Скилур и Палак, и поднятый им вопрос о местонахождении Неаполя - крепости Скилура - вызвали в отечественной и иностранной научной литературе ряд разнообразных и противоречивых суждений¹⁷.

В 1833 г. городище Керменчик осмотрел неутомимый исследователь крымских древностей П.Кёппен. В своей широкоизвестной работе «О древностях южного берега Крыма и гор Таврических»¹⁸ он пишет: «Барельефы и греческие надписи на камнях, найденные внутри Симферопольского укрепления в конце апреля 1827 г., заслуживает особого внимания. Одна из этих надписей упоминает именно о царе Скилура... Сличая головы, представленные на барельефе, с медалями царя Скилура, которые найдены на развалинах Ольвии, Бларамберг находил сходство в изображениях лиц и после этого уже не сомневался в том, что на барельефе изсечен сам царь Скилур и сын его Палак»¹⁹.

В другом месте он писал: «... Неаполь, по мнению г-на Бларамберга, довольно правдоподобно, находился близ нынешнего Симферополя».

О гипотезе Бларамберга Кёппен, как это видно из приведенного текста, высказался осторожно, но все же сочувственно.

Одна из заслуг Кёппена заключалась в том, что помимо Керменчика он описал в своем труде несколько позднескифских городищ. После его исследований стало ясным, что предполагаемый Неаполь - главное звено в целой цепи скифских укреплений. Наряду с Кёппеном их изучал и А.Фабр.

В 1834 г. известный ученый путешественник Дюбуа де Монпере продолжил археологические исследования на Керменчике. Он детально осмотрел городище и его окрестности, сделал новый, более точный

его план и произвел раскопки земляного склепа и грунтовой могилы, давших значительное число интересных вещей. Он первый начал исследования на восточном участке некрополя Неаполя скифского, там, где проходила дорога вниз к Салгиру, по направлению к Воронцовскому саду. Он же на правом склоне Петровской балки расчистил и зарисовал каменный вырубной склеп с резным фризом из зигзагов (табл. XIX)²⁰. Признаков раскраски резного орнамента на белой известняковой скале он не заметил.

Закljučая описание находок в земляных склепах на восточном участке некрополя, Дюбуа пишет: «... достойно замечания, что тут в одной и той же гробнице мы видим римскую застежку, ключ греческого ларчика, египетскую жуковину, янтарь с берегов балтийских, гагат колхидский, ошейник и обручья скифские, и все это при укреплении Тавро-скифского царя Скилура...».

Дюбуа датировал погребения римским временем (т.е. I - III вв.н.э.) и отметил, что в это время «...прогуливались по всей римской империи египетские жрецы, которые повсюду распространяли свои таинства и не раз навлекали на себя гнев императоров»²¹.

Справедливо отмечая широту культурных и торговых связей поздних скифов в Крыму, Дюбуа де Монпере полностью присоединился к выводам Бларамберга.

Дюбуа детальнее, чем Бларамберг, обследовал линию южных оборонительных стен городища и наметил местоположение центральных, восточных и западных ворот, фланкированных башнями.

В 1836 г. Керменчик осмотрел Н.Н.Мурзакевич. В своей работе «Поездка в Крым в 1836 году» он дал краткое описание городища, поддержал выводы Бларамберга и упомянул о найденных на Керменчике рельефах²². Он заметил следы оборонительных стен не только в южной части городища, но и вдоль Петровской балки в его западной части.

Надо заметить, что не все современники Бларамберга, изучавшие Северное Причерноморье, разделяли его мнение. Так, например, уже упоминавшийся исследователь древностей Крыма А.Фабр, признавая высказывания Бларамберга заслуживающими внимания, считал, что вопрос о местонахождении Неаполя скифского все же нельзя признать решенным²³.

В середине XIX в. полемика о местоположении Неаполя скифского и о том, изображены ли на рельефах, найденных на городище, Скилур и Палак, приобрела особенно острый характер. Келлер²⁴, Грефе и Бёк²⁵ выступили с резкой критикой положений Бларамберга. Они не соглашались с ним ни в вопросе о местоположении Неаполя, ни с определением монет и рельефов. Они взяли под сомнение связь монет, изданных Бларамбергом, с царем Скилуrom. Келлер считал, что «Ольвия никогда не находилась под властью скифских царей». Бек предположил, что древний город на Керменчике основан не выходцами из Родоса, но боспорцами или же херсонесскими «гераклеотами», которые якобы поселили здесь подчиненных им, а позднее полностью покоренных туземцев - скифов или тавров».

Бёк обосновывал свое предположение надписями с посвящениями греческим богам. Он взял под со-

мнение выво... находилась к... что из-за нед... ние, так и в... занными.

В 1848 г. гулку на го... любовался в... по поводу памя... суждений не...

В 1853 г. вел здесь р... Керменчике, Бларамберга... Скилур, изоб... отношения к... тора. Уваров... лась под вл... этого же мн...

После р... нил свое м... своим отче... Симферопо... положил, ч... крепости, в... сделанные в... ведливость... ваяний пре... скифский о...

Надписи... царем, опр... отнести эт... шапками и...

Уваров... следующие... «Это почти... дой место... ны, так ска... защищавш... ния степны...

Основ... рядом с т... обломок... бражения... морных п... Важнейш... с надпись... сидея, по... вятивший... По предп... основани...

Втор... псалака... ным, а та... ной из С... Керменч... П.в. до н...

В о... конце 11... клеймам... «NEAPO... подтвер... скифски... ливое с...

мнение вывод Бларамберга о том, что на Керменчике находилась крепость Скилура, однако он подчеркнул, что из-за недостатка материала как его предположение, так и вывод Бларамберга нельзя считать доказанными.

В 1848 г. во время поездки в Крым совершил прогулку на городище Керменчик В.Г.Белинский. Он любовался видом на горные дали и Чатырдаг, но по поводу памятника в своих письмах из Крыма никаких суждений не высказывал²⁶.

В 1853 г. А.С.Уваров осмотрел городище и произвел здесь раскопки. Первоначально, до раскопок на Керменчике, он скептически относился к выводам Бларамберга и присоединился к мнению Келлера, что Скилур, изображенный на монетах Ольвии, не имеет отношения к Скилуру, современнику Митридата Евпатора. Уваров сначала считал, что Ольвия не находилась под властью скифских царей и подчеркнул, что этого же мнения держался и Бёк²⁷.

После раскопок Уваров коренным образом изменил свое мнение и согласился с Бларамбергом. В своем отчете об археологических изысканиях близ Симферополя он пишет: «Бларамберг первый предположил, что развалины Керменчика принадлежат крепости, выстроенной царем Скилуром. Находки, сделанные в 1827 году, подтверждают справедливость его мнения. Два обломка оборонных изваяний представляли изображения, носящие на себе скифский отпечаток».

Надпись с именем Скилура, прозванного великим царем, определила с точностью, к кому именно надо отнести эти оборонные изображения со скифскими шапками и анаксиридами²⁸.

Уваров дал обстоятельное описание городища и следующим образом охарактеризовал древний город: «Это почти недоступное, защищенное самой природой место служило некогда главной крепостью страны, так сказать ключом целой оборонительной линии, защищавшей Крымскую нагорную сторону от вторжения степных дикарей через Перекопский перешеек»²⁹.

Основные раскопки на городище Уваров провел рядом с траншеей Бларамберга, где был обнаружен обломок мраморного рельефа с портретными изображениями. Уваров нашел здесь три обломка мраморных плит с греческими надписями (рис. 11 г, д, е). Важнейшая из них фрагмент мраморного постамента с надписью, в которой упоминается Посидей, сын Посидея, победивший пиратствующих сатархеев и посвятивший этот памятник Ахиллу, владыке острова³⁰. По предположению Уварова, этот постамент служил основанием для статуи Ахилла (рис. 11, г).

Вторая надпись упоминает Ходарза, сына Омсаласа (рис. 11)³¹. Судя по палеографическим данным, а также и по тому, что Ходарз упоминается в одной из Ольвийских надписей I в.н.э.³², эта надпись из Керменчика, в отличие от остальных, относящихся ко II в. до н.э., датируется I в.н.э.³³.

В отчете Уваров упомянул, что на Керменчике в конце 1849 г. были найдены две амфорные ручки с клеймами, на которых находились надписи «ΝΕΑΠΟΛΙΣ». Эти клейма он использовал как довод, подтверждающий тождество Керменчика с Неаполем скифским. Подобное истолкование вызвало справедливое сомнение у Келлера и Беккера³⁴. Впоследствии

Б.Н.Граков разъяснил ошибку Уварова и доказал, что клейма принадлежат привозным синопским амфорам³⁵.

Уваров сообщил также, что в 1851 г. на городище был найден рельеф из известняка. Он пишет о нем следующее: «В начале прошлого лета татары нечаянно нашли надгробный памятник, весьма любопытный по представленному на нем всаднику в скифском одеянии»³⁶. Уваров подчеркнул, что это надгробие, так же как и надписи, было обнаружено в непосредственном соседстве с раскопками Бларамберга. По-видимому, именно это надгробие воспроизведено в Атласе Уварова, опубликованном в 1851 г.³⁷ В том же году памятник поступил в Одесский музей, где и хранится по настоящее время³⁸.

Уваров, очевидно, ошибся, указав, что рельеф найден «в начале прошлого лета», т.е. в 1852 г., за год до раскопок 1853 г.³⁹

Во время археологических работ на Керменчике в 1853 г. Уваров обратил внимание на склеп с резным орнаментом на правом склоне Петровской балки, в свое время отмеченный Дюбуа. Уваров зарисовал этот склеп и воспроизвел в своем альбоме⁴⁰. Так же как Дюбуа, и Уваров, по-видимому, не заметил едва уловимых следов раскраски на узорах склепа.

Вслед за Мурзакевичем и Уваров отметил линию западных оборонительных стен, идущих вдоль Петровской балки. Он же начал раскопки больших зольников на территории городища, принятых им за курганы, но, убедившись, что погребений здесь нет, прекратил работы. Им были раскопаны остатки нескольких прямоугольных зданий с каменными стенами и свыше 20 зерновых ям, в некоторых сохранилась «жженная крупа». Три новых фрагмента мраморных постаментов от статуй с посвятельными надписями из раскопок Уварова, первый для Неаполя надгробный рельеф с изображением пешего воина и всадника (табл. VIII), относящийся к первым векам нашей эры, и две амфорных ручки с синопскими клеймами значительно пополнили собрание находок с Керменчика.

По мнению Уварова, Неаполь скифский возник первоначально как греческое поселение, основанное выходцами с острова Родоса (в этом он присоединился к мнению Бларамберга)⁴¹. Впоследствии здесь возникла крепость и резиденция скифских царей, просуществовавшая, как подчеркнул Уваров, по крайней мере, до III в.н.э.

В определении хронологических границ существования города Уваров дополнил выводы Бларамберга, чему способствовали новые находки: надпись Ходарза, надгробие первых веков нашей эры и монета императора Макрина (217 - 218 гг.). Напомним, что в III веке нашей эры на Неаполе был зарыт клад римских монет, отмеченный Стевеном и Бларамбергом⁴².

Несмотря на убедительность выводов Бларамберга, поддержанных Уваровым, в пятидесятых годах против них выступил Беккер⁴³. Он выдвинул предположение, что Неаполь находился близ Инкермана и не допускал возможности, чтобы скифские укрепления, упоминаемые Страбонам, были бы столь отдалены от Херсонеса. Он считал, что на Керменчике, возле Симферополя, находилась столица державы, названия которой мы не знаем. Беккер справедливо подчеркивал, что в этом городе, наряду со скифами,

жили и греки, но, в отличие от Бёка, он полагал, что греки переселились сюда не из Пантикапея и Херсонеса, а скорее из Ольвии и перевезли с собой надписи и рельефы. Скилур, по мнению Беккера, был другом ольвиополитов и врагом херсонесцев, и его царство простиралось вплоть до Ольвии. Что же касается Посидея, то он, как считал Беккер, из Родоса переселился в Ольвию, а затем из Ольвии в скифскую столицу, где пользовался у граждан большим уважением. Он был назначен начальником флота и, очевидно, в морском бою победил пиратствующих сатархеев. То обстоятельство, что Посидей был родосцем, не дает права заключить, как правильно заметил Беккер, что родосцы основали здесь колонию.

К мнению Беккера присоединился Ф.К.Брун. В своих этюдах по исторической географии Причерноморья он пишет: «Беккер, отыскивая в Инкермане крепость Неаполь, ближе к истине, чем другие исследователи, которые, по примеру Бларамберга, помещают эту крепость в Симферополе»⁴⁴.

В.Х.Кондарак, взявший под сомнение выводы Бларамберга, вслед за Беккером также высказался за местоположение Неаполя скифского в Инкермане⁴⁵.

П.С.Бурачков без достаточных оснований присоединился к мнению Беккера о том, что рельефы и надписи, найденные в Керменчике у Симферополя были привезены сюда из Ольвии. Исходя из этого, он также усомнился в правильности выводов Бларамберга⁴⁶.

В 1878 г. в развалинах Херсонеса был обнаружен декрет в честь Диофанта. Этот исключительно важный эпиграфический памятник истории Северного Причерноморья времени Митридата Евпатора значительно дополнил данные Страбона о войнах скифов с греческими городами в конце II в. до н.э.⁴⁷

Из декрета видно, что царская крепость Хабей и Неаполь находились в середине Скифии, т.е. Таврического полуострова, который, по Страбону [VII, 4, 5], являлся основной территорией Малой Скифии⁴⁸. Декрет, следовательно, опровергал предположения Беккера и его сторонников о местонахождении Неаполя у моря близ Инкермана и подкреплял мнение Бларамберга о тождестве Керменчика с Неаполем, находившимся в центре полуострова. Это сумел убедительно показать В.Н.Юргевич в своих комментариях к первой публикации декрета в честь Диофанта⁴⁹.

Он пишет: «... все заставляет признать догадку Бларамберга справедливой, даже и самое положение крепости, построенной на главной дороге, идущей из степной части Крыма, через Ангарский богаз к морю»⁵⁰. Юргевич вслед за Уваровым отметил, что Неаполь продолжал существовать и в римский период, о чем говорит найденный на нем клад монет. Развивая соображения Дюбуа, он пришел к выводу, что египетские скарабеи, обнаруженные на Неаполе, свидетельствуют о египетском влиянии на скифов, которое усилилось после завоеваний Митридата. Юргевич объясняет это тем, что в войсках Митридата находились колхи, которые, по мнению Страбона, были единоплеменниками египтян.

Из местных симферопольских краеведов последней четверти XIX в. горячими сторонниками выводов Бларамберга были Х.П.Ящуржинский, Г.И.Тимошевский и П.Я.Ребец, преподаватели Симферопольской мужской гимназии. Ящуржинский по

этому поводу писал следующее: «С открытием же Псефизма Диофанта, по которому видно, что Неаполис находился внутри Крыма, уничтожается единственное веское возражение П.Беккера, который усиливался доказать, что Неаполис Скилура находился на месте Инкермана»⁵¹. Тимошевский, полемизируя с Бурачковым, писал: «Бурачков говорит, что «мы не можем узнать, где находились Хавы /Хабей/ и Неаполь, но отыскание последнего вблизи Симферополя окажется напрасным трудом», но положительные доказательства в пользу своего мнения он не приводит. Пока не будет указано положительных доказательств того, что Неаполис был в другом месте, мне, кажется, нет надобности не согласиться с мнением Бларамберга»⁵². Ребец, так же как и Тимошевский, следуя Бларамбергу, Дюбуа и Уварову, считал, что Неаполь находится «... вероятно, за нашим Симферополем над Петровским раскопом, где нашли надписи с именем и изображением упомянутого нами скифского царя Скилура»⁵³. Довольно определенно высказался по этому вопросу крупный русский археолог Н.И.Веселовский, проводивший раскопки на городище и его некрополе в 1889 г.: «Неаполис представляет следы значительного города на скале, внизу которой, в балке, обширное, почти сплошное кладбище, а по карнизу скалы в виде бордюра высечены гробницы-пещеры, семейные усыпальницы - свидетельство многочисленного некогда населения, здесь обитавшего, как и подобало столице Скилура... Скилур основал этот город или воспользовался для своих целей уже готовым, существовавшим раньше»⁵⁴. Из приведенной выдержки видно, что Веселовский допускал возникновение Неаполя как города до Скилура, чему не противоречат найденные здесь Бларамбергом и Уваровым обломки черепицы и амфорные ручки с клеймами, а также золотые монеты Александра и Лисимаха, о которых упоминает Х.Х.Стевен.

Итак, животрепещущий вопрос о местоположении Неаполя скифского и о том, имеем ли мы в рельефах Керменчика воспроизведения скифских царей Скилура и Палака, в XIX в. оставался еще открытым. Исследователи, высказывавшиеся по этому вопросу, раскололись на два лагеря: сторонников и противников точки зрения Бларамберга.

Кеплен, Дюбуа де Монпере, Мурзакевич, Уваров, Ящуржинский, Веселовский и др. признавали основательность мнения Бларамберга. Все они осмотрели Керменчик; четверо из них (Дюбуа, Уваров, Веселовский, Ящуржинский) проводили здесь раскопки.

Келлер, Грефе, Бёк, Беккер, Брун и другие, никогда не бывавшие на Керменчике, высказались против предположений Бларамберга. Они считали эти предположения или неверными или недостаточно обоснованными.

Становилось ясным, что только развернутые раскопки на городище смогут дать решение этих вопросов. Однако в условиях дореволюционного времени систематических полевых исследований предполагаемого Неаполя скифского проведено не было. Более или менее случайные раскопки отдельных ученых и любителей археологии, которые в то время интересовались гораздо больше могильниками, чем городищами, не смогли помочь решению вопроса.

В после открытия де Неаполя скифской степени местных археологов Симферополя (Х.П.Ящуржинский, Ф.Ф.Лашков)

Собирались пополнить гал. А.Х.Стевен дителях по рено М.Сосна: «Тепер дочную груд

В 1872 метил на скл дища Керме нетронутыми здесь вполщ щеры» были

В 1879 г гильника Г.Д.Филимо находки пос исторически

После э выдающийся древностей. фабул, найд упомянул в к

С начал ляться. На занных с по сколько скл селявшие П приспособл

стоятельств Ф.Ф.Лашков ческие иссл

них находк гребения пе тому, что на балке вещи

ской мужск Крымский о ще время⁵⁵

Дополн ровской ба Ф.Я.Ребец Симфероп

интересной веревок», н видимому, Дюбуа и Ув

описание д выдающую на щегольс рашениях... идет карни среднеазия вероятно, с других при сокая ступе

В последней трети XIX в., в особенности после открытия декрета в честь Диофанта, тяга к изучению Неаполя скифского заметно усилилась. Этому в сильной степени содействовало оживление активности местных археологов и краеведов, в частности учителей Симферопольской мужской гимназии (Х.П.Ящуржинский, Г.И.Тимошевский, Ф.Я.Ребец, Ф.Ф.Лашков и А.О.Кашпар)⁵⁵.

Собиранию древностей из Неаполя скифского и пополнению музея в г. Симферополе энергично помогал А.Х.Стевен. Неаполь стал упоминаться в путеводителях по Крыму. В 1870 г. городище было осмотрено М.Сосногорской. В своем путеводителе она писала: «Теперь эти развалины представляют беспорядочную груду камней, разрытых могил и пр.»⁵⁶

В 1872 г. житель Симферополя П.Х.Караулов заметил на склонах Петровской (Собачьей) балки у городища Керменчик «пещеры», которые показали ему нетронутыми и возбудили его интерес. Произведенные здесь впоследствии расчистки показали, что эти «пещеры» были древними погребальными склепами.

В 1879 г. небольшие исследования грунтового могильника в Петровской балке произвел Г.Д.Филимонов, осмотревший также и городище. Его находки поступили в дальнейшем в Государственный исторический музей, где находятся и сейчас⁵⁷.

После этого побывал на городище Н.П.Кондаков, выдающийся исследователь русских и византийских древностей. Об одной из крупных ажурных эмалевых фабул, найденных на Керменчике у Симферополя, он упоминал в капитальной работе «Русские древности»⁵⁸.

С начала восьмидесятых годов балка стала заселяться. На ее склонах во время земляных работ, связанных с постройкой домов, было открыто еще несколько склепов, вырубленных в скале. Бедняки, заселявшие Петровскую балку, русские и цыгане, стали приспособлять эти склепы под жилища. Это обстоятельство побудило в 1885 г. Х.П.Ящуржинского, Ф.Ф.Лашкова и А.О.Кашпара произвести археологические исследования этих склепов. Выяснилось, что в них находились разграбленные еще в древности погребения первых веков н.э. с инвентарем, близким тому, что нашел Дюбуа де Монпере. Обнаруженные в балке вещи были переданы в музей Симферопольской мужской гимназии и впоследствии поступили в Крымский областной музей, где и хранятся в настоящее время⁵⁹.

Дополнительные розыски на городище и в Петровской балке были проведены Г.И.Тимошевским и Ф.Я.Ребецом. В своем очерке по истории города Симферополя Тимошевский упоминает о пещере «с интересной орнаментацией в виде переплетающихся веревок», которая была расчищена в 1886 г.⁶⁰ Повидимому, это тот же вырубной склеп, что зарисовали Дюбуа и Уваров (табл. XIX). Наиболее подробное его описание дал Ящуржинский: «Выбор пал на пещеру, выдающуюся из среды других некоторой претензией на щегольство, выразившейся в резных фигурных украшениях... Под потолком на правой и задней стене идет карниз, состоящий из геометрических фигур в среднеазиатском вкусе... На левой стене карниз тоже, вероятно, существовал, но стерт от времени или от других причин. Внизу у задней стены находится невысокая ступень; вверху в задней стене есть небольшая

четыреугольная ниша... Очевидно, что эти пещеры служили погребальными склепами»⁶¹.

Пещера была зарисована преподавателем рисования А.Архиповым и воспроизведена в сборнике Симферопольской мужской гимназии. Об остатках краски на рельефном орнаменте этого вырубного склепа упомянул в своем отчете Ф.Ф.Лашков⁶². Очевидно, в склепе, привлекавшем внимание Дюбуа, Уварова и Ящуржинского резной фриз был расписан.

Исследования вырубных склепов в Петровской балке познакомили нас с погребальной архитектурой Неаполя скифского первых веков и ее декором. Выяснилось, что это фамильные склепы, иногда с довольно значительным количеством погребенных.

Склепы были разграблены, лишь один из них, расчищенный в 1888 г. жителем балки крестьянином Цыганковым, оставался нетронутым. Об этом можно предположительно судить по сообщению А.К.Романюка, в котором говорится о «пещере», заложенной плитой. В этой «пещере» были найдены скелеты в сидячем положении, бусы и глиняные сосуды. Значительное число вещей из этого склепа, относящихся к первым векам н.э., поступили в музей Симферопольской мужской гимназии. Часть находок воспроизведена в таблице к статье Ящуржинского⁶³.

В 1887 г. в Симферополе была создана Таврическая ученая архивная комиссия, которая стала продолжать исследование могильника в Петровской балке. Работы проводились Стевенем, Ящуржинским, Лашковым, Кашпаром, Романюком. Жители балки Цыганков, Тучанинов, Пашковский активно помогали в этой работе. На глинице Петровской балки, у истоков ручья, было продолжено, начатое Филимоновым изучение земляных склепов и подбойных могил первых веков н.э. Большинство из них, в отличие от вырубных склепов, оказалось неразграбленным. Значительная часть находок из могильника поступила в созданный по инициативе А.Х.Стевена музей Таврической ученой архивной комиссии. Он сам передал немало вещей из своей личной коллекции⁶⁴.

Таврическая ученая архивная комиссия обратилась в Императорскую археологическую комиссию с просьбой направить в Симферополь компетентного археолога для продолжения работ на Керменчике, «которые, быть может, осветят еще одну из темных страниц истории Крыма во времена владычества скифов»⁶⁵.

Эту просьбу поддержал директор Херсонесского музея К.К.Косцюшко-Валюжинич, осмотревший Керменчик в 1889 г. Он писал: «Если бы правильными раскопками было раскрыто древнее городище, то найденные надписи и монеты могли бы с точностью определить эпоху и народность этого загадочного населения в степной части Тавриды». Осмотрев находки из погребений, Косцюшко пришел к выводу, что население, которому принадлежал могильник, хоронило здесь в I - II вв. н.э. и было не христианское, быть может, скифское».

Позже, в 1892 г., Косцюшко отметил большое сходство погребального инвентаря, найденного в могильнике Петровской балки, с находками из одновременных херсонесских склепов. По этому поводу он писал: «Большая часть предметов, добытых из гробниц херсонесского некрополя... совершенно сходна с

предметами того же наименования, добытыми из раскопок некрополя близ Симферополя на месте предполагаемого скифского Неаполя. Сходство между собой этих находок, особенно фибул, зубчатых браслетов и колец, колокольчиков, разных амулетов, привесок, пронизей и бус, настолько поразительно, что дает право считать все эти украшения изделиями одного и того же времени, а многие даже одной и той же мастерской.

Правильно уловив процессы эллинизации культуры населения Неаполя скифского н.э., Косцюшко тем не менее из своих наблюдений сделал ошибочное заключение: «Возможно, что после поражения скифов Диофантом Неаполис составлял колонию Херсонеса, в интересах его меновой торговли»⁶⁶. Это предположение не имеет под собой фактических оснований и не вытекает из черт сходства погребального инвентаря Неаполя и Херсонеса. Это сходство вызвано процессами известной нивелировки культуры греческих и скифских городов в первых веках н.э.

По просьбе Таврической ученой архивной комиссии в Крым выехал Н.И.Веселовский. Он произвел раскопки городища, каменных склепов и, главным образом, земляных могил в Петровской балке. В этих исследованиях приняли участие члены ТУАК Маркевич, Ящуржинский, Кашпар и Ребец.

Для раскопок на городище Веселовский избрал «...место между большим курганом (центральным зольником. — П.Ш.) и спуском к Воронцовскому саду. При этом обнаружены основания стен (быть может, оборонительных. — П.Ш.) со значительными перерывами». На городище, помимо основания упомянутых стен, были найдены остатки жилых построек со следами очагов, несколько зерновых ям, жернова, почерневшие зерна пшеницы, «...продолговатые четырехугольные сооружения, сделанные из высоких и узких дикарных камней, поставленных стоймя в виде сплошного забора, длиной немного менее сажени, шириной в полсажени»⁶⁷. Работы на городище не удовлетворяли Н.И.Веселовского, его удручала бедность жилищ, плохое состояние полуразрушенных стен, сильно поврежденных длительным хищением камня на городище. Он пришел к пессимистическому выводу о том, что вопрос о Неаполе скифском может быть окончательно решен лишь «... продолжительными раскопками, которые, однако же, едва ли оправдают необходимые на то затраты...», «...так как здесь много было попыток к кладоискательству и шло сплошное расхищение камня»⁶⁸. Тут же Веселовский справедливо заметил: «Всего важнее было бы восстановить план города по остаткам фундаментов зданий». Он обратил внимание на своеобразную структуру зольников на городище: «... курганы здесь имеют особо присыпанный подъем и... едва ли принадлежат к числу погребальных...» «...самый большой раскопан гр. А.С.Уваровым и никаких результатов не дал»⁶⁹. С большим успехом Веселовский провел раскопки могильника. Он исследовал один каменный склеп, оказавшийся разграбленным, и 19 земляных склепов и подбойных могил. «...здесь погребено...», пишет Веселовский, «...многочисленное население; так в одном раскопе, занимавшем площадь в 11 кв. сажень, обнаружилось 8 семейных гробниц. Население это, судя по найденным предметам, должно было

принадлежать к бедному классу». Что касается каменных склепов, то, по мнению Веселовского, «...это были семейные усыпальницы людей состоятельных, содержавшие, сравнительно, ценные предметы погребального обряда, а потому давно уже разграбленные»⁷⁰. Веселовский правильно заметил признаки резкого имущественного расслоения среди жителей Неаполя скифского. Он обратил внимание, что некоторые из гробниц «... отличаются старательной отделкой и имеют карниз с орнаментом». Найденные им вещи поступили в значительной своей части в Исторический музей, несколько вещей переданы в музей ТУАК и Эрмитаж. Веселовский датировал могильник в отличие от Косцюшко не I - II, но II - III вв. н.э.

Веселовский первый обратил внимание на черепа из некрополя Неаполя скифского. Он отметил, что среди найденных черепов «3 длинноголовые, по-видимому деформированные черепа». Последние поступили в музей ТУАК.

Из находок в Петровской балке выделяется поступившая в Эрмитаж бронзовая фигурка скифавсадника, мчащегося во весь опор на низкорослой лошадке (табл. XII, 1). Фигурка служила украшением поясной пряжки. Этому памятнику Н.И.Веселовский посвятил отдельную статью, в которой датировал пряжку с всадником II в.н.э. (дата явно слишком поздняя)⁷¹.

Из изделий художественного ремесла первых веков н.э., по-видимому местной работы, обращают на себя внимание бронзовые, довольно широко распространенные в это время идольчики-амулеты в виде примитивных мужских фигурок (табл. XII, 2-5)⁷². Из привозных изделий выделяется египетская статуэтка беса, многочисленные скарабеи, фигурки львов и другие поделки из египетской пасты (табл. XV). Из оружия особенно интересен топорик-секира. Лишь в одном погребении в начале девяностых годов найдена херсонесская монета, по-видимому первых веков н.э. Значение этой находки справедливо подчеркнул А.Стивен⁷³.

На почти полное отсутствие монет на городище, в особенности некрополе, исследователи Неаполя Кёппен, Дюбуа, Ящуржинский, Маркевич и др. неоднократно обращали внимание⁷⁴.

Напомним, что после пессимистических замечаний Ящуржинского об отсутствии монет в могилах Петровской балки в 1890 г. в окрестностях Неаполя в местечке Чукурча близ Симферополя был найден клад римских монет от Нерона до Макрина⁷⁵. Из клада 47 монет поступило в Императорскую археологическую комиссию, Таврическую ученую архивную комиссию и в Эрмитаж. Клад был зарыт в III в.н.э., когда скифское государство находилось, очевидно, в состоянии глубокого экономического и политического упадка.

Несколько римских монет было найдено Ф.Я.Ребецом невдалеке от городища, в пределах г. Симферополя, на территории сада Щербины. В связи с этими находками Г.Н.Тимошевский писал: «Полагают, что в Неаполе во время римского владычества до начала третьего столетия был римский гарнизон; предположение вероятное, если принять во внимание центральное положение Неаполя на полуострове»⁷⁶. Это соображение Тимошевского, высказывавшееся

до него и другими а имеет серьезных оснований. Римские монеты в полном отсутствии могут являться достоянием скифского, достоянием гарнизона.

В этой же работе безынтересных мнений проведения раскопок на городище О.Д., притом в котором не было раньше, не построил его, а том... Здесь... еще глубоко, как видно, менты домов и ве...

В 1890 г. была Гидалевица «Ме... Симферополя». П... Симферополя⁷⁷. А «...на месте тепер... город Беон», упо... гречески называвш... пользу этой гипот... «...продолжал су... римляне в 3-м сто... мнение Бларамбе... правлен одновременно 6-м столетии Ю... быть может, служ... саду Щербины в... до завоевания Кр... греки..., они высел... ми греками (в 177... основали село Кер... в сборнике «Трет... ской мужской гимн...

Следует заме... римских гарнизон... восстановления п... татков построек... обнаружено. Поэ... таются сугубо пре...

С 1890 г. Вес... пил к исследова... Н.И.Веселовского... раскопок на горо... которым он поль... того, что полervo... после работ Вес... на 35 лет. Лишь... ла раскопана Ю... дала находки, с... даны в музей Та... Из находок най... Фибула и кувши... в.н.э. Как пр... «... содержание... вполне анали... Н.И.Веселовско... Главное вни... стей на Крымск... было перенесен...

до него и другими авторами, в частности Кеппенем, не имеет серьезных оснований. Клады и находки немногих римских монет, в особенности для III в.н.э., при полном отсутствии других более веских данных, не могут являться доказательством стоянки в Неаполе скифском, достаточно отдаленном от моря, римского гарнизона.

В этой же работе Тимошевский высказал ряд безынтересных мыслей о Неаполе как городе. На основании проведенных при его участии разведочных раскопок на городище он писал: «Неаполис был Г О Р О Д, притом в котором были храмы, статуи..., основание его было раньше времени Скилура, и последний не построил его, а только укрепил в войне с Диофантом... Здесь... еще можно открыть, хотя и довольно глубоко, как видно из нашего опыта в 1886 г., фундаменты домов и, вероятно, направление улиц»⁷⁷.

В 1890 г. была опубликована диссертация доктора Гидалевица «Медико-санитарное обследование г. Симферополя». Первый отдел книги посвящен истории Симферополя⁷⁷. Автор высказал предположение, что «...на месте теперешнего Симферополя существовал город Беон», упомянутый Птолемеем [III,5,13], гречески называвшийся Неаполисом. Никаких данных в пользу этой гипотезы автор не приводит. Неаполис «...продолжал существовать и после Р.Х.,... там были римляне в 3-м столетии после Р.Х.». Автор упоминает мнение Бларамберга о том, «... что Неаполис был исправлен одновременно с Пантикапеем и Херсонесом в 6-м столетии Юстинианом. Подтверждением этому, быть может, служит монета, найденная Г.Ребецем в саду Щербины в Симферополе, времен Юстиниана... до завоевания Крыма русскими в Керменчике... жили греки..., они выселились из Крыма вместе с остальными греками (в 1779 г. П.Ш.) в Мариупольский уезд, где основали село Керменчик». Об этом сообщается также в сборнике «Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии» (стр. 41).

Следует заметить, что явных следов пребывания римских гарнизонов в III в.н.э. в Неаполе, признаков восстановления города Юстинианом в VI в.н.э. и остатков построек греков XVIII в. на городище пока не обнаружено. Поэтому высказанные соображения остаются сугубо предположительными.

С 1890 г. Веселовский, оставив Неаполь, приступил к исследованию крымских курганов. Суждения Н.И.Веселовского о нецелесообразности дальнейших раскопок на городище, в силу громадного авторитета, которым он пользовался, послужило одной из причин того, что полевое исследование Неаполя скифского после работ Веселовского прекратилось больше чем на 35 лет. Лишь одна подбойная могила в 1895 г. была раскопана Ю.А.Кулаковским в Петровской балке и дала находки, сходные с прежними. Они были переданы в музей Таврической ученой архивной комиссии. Из находок наиболее интересен железный топорик. Фибула и кувшин позволяют отнести погребение ко II в.н.э. Как правильно отмечено Кулаковским, «...содержание могилы и обстановка погребения вполне аналогичны с данными раскопок Н.И.Веселовского в 1889 году»⁷⁸.

Главное внимание в изучении скифских древностей на Крымском полуострове в девяностые годы было перенесено на курганы. Раскопки проводились

Веселовским, Кулаковским и др. Среди предгорных курганов выделилась группа с позднескифскими «коллективными» погребениями. Один из курганов этого типа в 1890 г. был исследован близ Неаполя, к югу от него, на второй горной гряде, на которой расположено и городище. Расчистка проведена А.Х.Стевенем, А.И.Маркевичем и А.О.Кашпаром⁷⁹. Под курганной насыпью, сложенной из камня, находилась выложенная известняковыми плитами прямоугольная гробница, перекрытая массивной круглой плитой из диорита. В гробнице было около 20 черепов и остатков скелетов, среди которых один сидячий. Могила была разграблена. Судя по обломкам найденной здесь амфоры и фибулы, остаткам железного чешуйчатого скифского панциря, золотым и обычным бусам, эта семейная усыпальница современна Неаполю скифскому. К сожалению, точная ее датировка невозможна, т.к. находки утрачены.

В начале XX в. раскопки в Неаполе и около него не проводились. О Неаполе начали забывать. Территория городища сдавалась городской Управой подрядчикам для добычи камня⁸⁰.

Интерес к поздним скифам и скифским городищам Таврического полуострова, в первую очередь к Неаполю, возродился с новой силой лишь в советское время.

Из всего сказанного видно, что раскопки Неаполя скифского в XIX в. велись отдельными исследователями от случая к случаю с большими перерывами и не носили сколько-нибудь систематического характера. За все это время ни один из археологов не проводил раскопок на городище или некрополе подряд в течение хотя бы двух сезонов. Тем не менее, даже эти разрозненные раскопки дали в научном отношении ценные материалы по топографии города и некрополя, по характеру могильных сооружений и погребальному обряду, по эпиграфике, скульптуре и художественному ремеслу.

Монеты, найденные на Неаполе и в его окрестностях в XIX в., немногочисленны, и большинство из них до нас не дошло. Об этих монетах мы уже сообщали выше и не будем сейчас их касаться. Для освещения тогда еще остававшейся спорной проблемы скифского государства и для понимания Неаполя скифского как его главного города большее значение имели монеты с изображениями скифских царей, чеканенные в Ольвии.

Хотя полевое исследование Неаполя на исходе XIX в., как уже было отмечено, прекратилось, тем не менее обнаруженные при его раскопках памятники продолжали привлекать внимание ученых, изучавших историю Северного Причерноморья. Из всех видов перечисленных источников, связанных с Неаполем, надписи и свидетельства древних авторов, монеты скифских царей и памятники скульптуры вызвали наибольший интерес среди исследователей конца XIX и начала XX в. Именно в это время труды русских историков древнего мира (М.И.Ростовцева), филологов (В.В.Латышева), археологов (Б.В.Фармаковского) и нумизматов (А.В.Орешникова) стали пользоваться мировой известностью.

В своем классическом исследовании античных надписей северного побережья Черного моря⁸¹

В.В.Латышев посвятил эпиграфическим памятникам Неаполя скифского отдельную главу. В ней дан сжатый обзор истории исследований Неаполя и его надписей, приведена основная предшествующая литература и описаны с обстоятельными комментариями шесть надписей (NN 668-673), найденных на городской в XIX в.

Из них наиболее интересна уже упоминавшаяся нами двухстрочная надпись на известняковом постаменте с именем Скилура /N 668/. Надпись сильно повреждена, чем и объясняются разночтения у Благрамберга, Бека и Латышева. Благрамберг дал следующее восстановление надписи «Царь Скилур, великий царь, тридцатый год царствования». Вслед за Благрамбергом это восстановление с небольшой поправкой принял и Бек⁸². Латышев считает, что в первой строке не сохранилось только имя отца Скилура. Вторая же строка настолько плохой сохранности, что вряд ли может быть восстановлена. Первую строку Латышев прочел: «Царь Скилур, сын царя...» Очень жаль, что имя отца Скилура из-за повреждения осталось неразгаданным. Это единственная надпись, упоминающая царя Скилура, она хорошо дополняет данные Страбона и декрета в честь Диофанта. Надпись послужила Благрамбергу одним из оснований для отождествления Керменчика с Неаполем, крепостью Скилура, датирующейся второй половиной II в. до н.э. Хранится в Одесском музее.

Вторая надпись (N 669) на обломке мраморной плиты небольших размеров (рис. 11б). От надписи сохранились неполные две строки. Первоначально Латышев прочел ее так: «(Царь) Ходарз Омспалака»⁸³ – в дальнейшем внес исправления в первую строку: «Ахилл, сын Ходарза...», – предположив, что в первом слове упоминается имя «Ахилл»⁸⁴. Латышев отметил, что имена Ходарз и Омспалак – не греческие, они встречаются в Ольвии. Латышев считает надпись посвяительной. Вторая надпись из Керменчика, в отличие от первой, относится, скорее всего, к I в.н.э., к периоду вторичного расцвета Неаполя скифского, и, судя по именам, говорит о связи Неаполя с Ольвией⁸⁵. Обломок был найден Уваровым и хранится в Государственном историческом музее.

Третья надпись (N 670) двухстрочная, посвяительная, на мраморном постаменте, сохранилась сравнительно хорошо (рис. 11в). Латышев ее переводит: «Зевсу Атабирийскому Посидей Посидеев (посвятил) благодарственное приношение»⁸⁶. Посидей, сын Посидея, упоминается в трех ольвийских надписях. В двух из них он назван ольвиополитом⁸⁷. Публикуя ольвийские надписи, упоминающие Посидея, Латышев вслед за Минзом⁸⁸ полагает, что Посидей – ольвиополит был тем же самым лицом, которое посвятило в скифском городе Неаполе благодарственные приношения Зевсу Атабирийскому, Афине Линдии и Ахиллу Понтарху⁸⁹. Он же считает вероятным предположение Благрамберга и Бека о том, что Посидей – родосец по происхождению⁹⁰.

В связи с вопросом о датировке ольвийских надписей, упоминающих Посидея, Латышев пришел к заключению: «Несомненно, начертания всех надписей Посидея относятся к одному времени, о котором, мне кажется, правильно судил Стефани. Если первое положение Латышева об одновременности над-

писей не вызывает сомнений, то ссылка на Стефани сделана по недосмотру, так как последний ошибочно отнес надпись Посидея из Ольвии к I в.н.э.⁹¹ На самом деле Посидей жил во II в. до н.э., как это ясно по другим надписям, правильно датированным Латышевым (NN 78, 673 и т.д.).

Четвертая надпись из Неаполя (N 67,1) трехстрочная, также посвяительная, на постаменте из белого мрамора (рис. 11), повреждена. Латышев ее восстанавливает: «Афине Линдии Посидей Посидеев (посвятил) благодарственное приношение»⁹². Латышев указал, что Благрамберг первоначально понял надпись неправильно, и считал, что в ней говорится о некой нимфе Напее⁹³. В своей книге 1833 г. Благрамберг исправил ошибку и дал новое правильное чтение надписи. Постамент и надпись по характеру близки посвящению Зевсу Атабирийскому (N 670). Культ последнего, так же как и Афины, был распространен на о. Родосе. Это и дало основание связывать Посидея с Родосом. Надпись хранится в Одесском музее.

Большое историческое значение имеет посвяительная надпись (N 672) на мраморном постаменте, сравнительно хорошей сохранности. Надпись найдена Уваровым в 1853 г., затем поступила в Государственный Исторический музей, но сейчас ее местонахождение неизвестно. Латышев восстанавливает надпись следующим образом: «Ахиллу (владыке) острова (посвятил) Посидей Посидеев (победив) пиратствовавших сатархеев»⁹⁴. Правая часть надписи обломана, поэтому восстановление Латышева нельзя считать окончательным.

И.И.Толстой дает другое восстановление: «Ахиллу, владыке острова, Посидей, сын Посидея, победив сатархеев, ограбивших остров»⁹⁵. Это единственная надпись, в которой упомянуты сатархеи. О них неоднократно сообщали античные авторы: Помпоний Мела [II, 1,3,4, II, 1,10], Валерий Флакк [IV, 144], Плиний [IV, 85; VI, 7; VI, 22], Стефан Византийский и др. Судя по свидетельствам авторов, сатархеи обитали на берегах Черного и, главным образом, Азовского морей, по сторонам Перекопского перешейка и на северо-восточном берегу Крыма. Они занимались меновой торговлей и пиратством и жили в землянках. Скорее всего, это одно из позднескифских или же сарматских племен. Птолемей [III, 6,5] среди городов Таврического полуострова называет Сатарху. Возможно, что сатархеи нападали и на о. Левку. О грабительских нападениях на этот остров идет речь в одной из ольвийских надписей, найденных на о. Левке⁹⁶. Судя по надписи из Керменчика, Посидей одержал над сатархеями, скорее всего, морскую победу. Надпись посвящена Ахиллу, «властителю Понта», и хорошо дополняет целый ряд надписей Посидея, она датируется II в. до н.э. В дальнейшем было бы важно выяснить, относится ли она к первой или второй половине II в. до н.э., т.е. был ли связан Посидей со Скилуром или же с его предшественником, может быть, с его отцом.

Шестая и последняя четырехстрочная посвяительная надпись (N 673) вырезана на постаменте белого мрамора (рис. 11). Сохранился лишь нижний правый угол плиты. Найдена Уваровым в 1853 г. Находится в Государственном Историческом музее. Латышев датирует ее II в. до н.э. и читает: «Ахиллу и всем богам». Большинство надписей Неаполя, откры-

тых в XIX в., связаны с Понтом. Наряду со Скилуром (Омпсалака) и другими скифскими царями, Ахилла и др.

Называя Неаполь сначала со званием Понта, а затем без него, Латышев показал, что Неаполь – это Благрамберг.

В своей книге «История и государство Ольвии» Латышев посвятил «Ольвию». Основным источником для данной главы являются скифские царские надписи. Инисмеев (рис. 11) также Канита (рис. 11) Канита к I в.н.э. Латышев на ошибке предшествующих исследователей в точности бы связывает мраморный Черного моря Инисмеев – ру.

Латышев в ольвийской луре Ольвийского царя. Фарзой ж были ее покровительству автономии.

Несмотря на то, что в главе Латышев пор не упоминает о Латышеве подполковнике историк и бо. Позднескифские надписи скифских царей.

В этой же главе Латышев о времени нахождения Неаполя Стефаном надписей (I в. до н.э. к II в. до н.э.).

Латышев о Неаполе и его времени. Латышев о Неаполе и его времени. Латышев о Неаполе и его времени.

Работа Латышева о Неаполе скифском городе. Латышев о Неаполе скифском городе.

Неаполь скифского города. Латышев о Неаполе скифском городе.

Неаполь скифского города. Латышев о Неаполе скифском городе.

Неаполь скифского города. Латышев о Неаполе скифском городе.

Неаполь скифского города. Латышев о Неаполе скифском городе.

тых в XIX в., как видим, посвященные. Три из них связаны с Посидеем. Они говорят о том, что в Неаполе наряду со скифами (Скилур и его отец; Ходарз, сын Омспалака) жили и греки (Посидей и Ахилл), в отдельных случаях занимавшие высокие посты. Из надписей видно, что здесь имел место культ Зевса, Афины, Ахилла и других греческих божеств.

Называя главу своего труда «Неаполь скифский», сначала со знаком вопроса [IOSPE, I, стр. 110], а затем без него [IOSPE, I², стр. 503], Латышев тем самым показал, что он присоединился к предположению Бларамберга о тождестве Керменчика с Неаполем.

В своей более ранней работе об Ольвии, ее истории и государственном строе одну из глав Латышев посвятил «Ольвии под властью скифских царей»⁹⁹. Основным и решающим источником для выводов в данной главе являлись монеты с изображением скифских царей, в первую очередь, Скилура, Фарзоя и Инисмея (рис. 7). Скифскими царями Латышев считал также Канита, Сария и Кау. Он правильно отнес монеты Канита к III в. до н.э. Правление же Фарзоя и Инисмея он ошибочно датировал II в. до н.э., считая их предшественниками Скилура. Впоследствии эти неточности были исправлены А.В.Орешниковым. Он связывает монеты Канита с западным побережьем Черного моря, монеты Фарзоя датирует I в.н.э., а Инисмея – рубежом I и II вв.н.э.¹⁰⁰

Латышев высказал предположение, что при Скилуре Ольвия находилась под властью скифского царя. Фарзой же и Инисмеем только защищали Ольвию и были ее покровителями, но город сохранял известную автономию.

Несмотря на отмеченные Орешниковым неточности, глава Латышева, так же как и книга в целом, до сих пор не утратили своей научной значимости. Латышев подошел к нумизматическому материалу как историк и более четко, чем другие, поставил вопрос о позднескифском государстве и распространении власти скифских царей на Ольвию.

В этой же работе он вновь остановился на вопросе о времени деятельности Посидея, отверг предложенную Стефаном неверную датировку одной из его надписей (I в.н.э.) и отнес надписи с именем Посидея к II в. до н.э.

Латышев согласился с мнениями, высказывавшимися и до него, о том, что Посидей был родосцем, затем переехал в Ольвию, а оттуда переселился в Неаполь скифский.

Работа Латышева по исследованию надписей Неаполя скифского и ольвийских надписей Посидея, а также монет скифских царей наглядно показала, что Неаполь во II в. до н.э., в период его наивысшего расцвета, был тесно связан с Ольвией, и последняя одно время находилась под властью скифского государства. Что касается изображений на рельефах из Неаполя Скилура и Палака, то по этому вопросу Латышев высказал сомнения. В упомянутом исследовании об Ольвии он писал: «Мы не видим достаточных оснований разделять принимаемое большинством ученых предположение Бларамберга, что один из найденных на Керменчике барельефов представляет изображение Скилура и его сына Палака»¹⁰².

Сомнение Латышева было естественным, так как в его время фрагмент мраморного рельефа из Кер-

менчика уже исчез и судить о нем можно было только по очень условному рисунку Бларамберга.

Следует учитывать, что Латышев в деле изучения монет скифских царей имел ряд предшественников – Бларамберга и в особенности Уварова, Бурачкова и Кёне. Уваров, описавший два типа монет Скилура, которые в свое время воспроизвел Бларамберг, остановился на золотой монете царя Фарзоя и пришел к выводу, что Фарзой властвовал над Ольвией, хотя город и сохранил республиканский строй¹⁰³.

В своем труде Б.Кёне высказал предположение, что скифский царь Фарзой находился в дружеских отношениях с Ольвией и был ее защитником и покровителем¹⁰⁴.

Бурачков в своем общем каталоге монет юга России выделил специальный раздел: «Монеты Ольвийские с царским титулом Скилура, Фарзоя и Кау»¹⁰⁵. В своей работе он воспроизвел в рисунках серию монет Скилура, Фарзоя и Инисмея. Монету с надписью Кау он предположительно связал с сарматской царицей крепости Алектор, которая упоминается Дионом Христом в его борисфенитской речи¹⁰⁶. Бурачков утверждал, что одна из монет с изображением царя Скилура была чеканена в Керкинитиде. Это утверждение вряд ли основательно и требует проверки. Впрочем, возможность такой чеканки не исключена, так как Керкинитиды во времена Скилура и его сына Палака, как это явствует из декрета в честь Диофанта [IOSPE, I², N 352], так же как и Ольвия, временно находилась под властью скифских царей.

Бурачков сделал ряд небезыntenесных замечаний в связи с монетами скифских царей: «... когда Скилур сделался царем всех скифов, обитавших в странах припонтских, тогда прежнее положение соседей Ольвийских изменилось и они должны были войти в сношения со скифами или тавро-скифами, обитавшими по ту сторону Перекопского перешейка... Царствование Скилура в Ольвии подтверждается оставшимися после него монетами... с этого времени во главе городского управления мы встречаем уже не греков, но, очевидно, **скифо-сарматов**: Фарзоя и Инисмея... Царствование Фарзоя, как следует заключить по количеству монет, было весьма продолжительным. Преемником его был, по всей вероятности, Инисмей... Монеты Канита, Кау, Сарии и Илиоса, конечно, не относятся к Ольвии. Канит царствовал у греков»¹⁰⁷.

Следует иметь в виду, что все эти соображения высказаны в 1875 г., до работ Латышева и Орешникова. Особенно интересна трактовка Фарзоя и Инисмея, скифо-сарматских знаков на их монетах.

Как мы уже говорили, первым, кто в широком плане осмыслил монеты скифских царей, в их связи с историей скифского государства, был Латышев. Намеченный им путь использования монет как исторического первоисточника продолжил и углубил крупный русский нумизмат А.В.Орешников. Ему принадлежат два классических исследования о монетах скифских царей.

Его взгляды на этот вопрос претерпели известную эволюцию. Первоначально он относил монеты Фарзоя и Инисмея к I в. до н.э. В дальнейшем, как об этом упоминалось, он отнес монеты Фарзоя ко второй половине I в. н.э., а Инисмея (или Инисмея) –

ко II в.н.э. и отметил, что Инисмей царствовал вслед за Фарзоем. Он пришел к важному выводу, что «... со Скилуром не прекращается чеканка монет скифскими царями в Ольвии... и власть скифских царей над Ольвией кончалась не вторым веком до РХ, а продолжалась далее»¹⁰⁸.

В 1890 г. он выступил с первоклассным исследовательским этюдом: «О монетах скифских царей с именем города Ольвии». В этой работе он писал: «Скилура, на основании его монет с именем Ольвии, должно считать, покуда, первым царем, подчинившим Ольвию своей власти официально; царствования же Фарзоя и Инисмея, на основании стиля монет и характера легенд на них, могут быть с вероятностью отнесены ко времени восстановления Ольвии после гетского погрома, по желанию окрестных скифов»¹⁰⁹. Он считает, что Ольвия при Скилуре, Фарзое и Инисмее, сохраняя видимость автономии, в действительности подчинялась владычеству скифов, хотя и продолжала чеканить и свои монеты. Монограмму «А» на одной из монет он отнес к Палаку. Против этого предположения выступил Миннз и выдвинул мысль, что эта монограмма связана с культом Аполлона Простата, распространенном в Ольвии. В своем экскурсе в область древней нумизматики Орешников с доводами Миннза согласился¹¹⁰.

В этой статье Орешников выделил особый раздел: «Монеты царей гетов и царей скифов» (стр. 1-23). Канита, Сария и Акроса он отнес к гетским царям. Он же возражал Бертье-Делагарду, считавшему, что Инисмей и Инисмией – два различных царя, и привел новые доводы в пользу того, что оба имени означают одно и то же лицо¹¹¹. Орешников обратил внимание на имя Никфата на одной из монет Инисмея, что позволило ему уточнить дату царствования этого последнего скифского царя, чеканившего монеты в Ольвии (не позднее второй половины II в. по Р.Х.). Он же указал на тамгообразные сарматские знаки на монетах Инисмея - Инисмея, которые, по Орешникову, «...имеют значение именного царского знака, изображенного может быть местными неизвестными еще нам письменами»¹¹². Он отметил также грубоватый характер портрета этого царя, что говорит в пользу поздней даты монет.

Орешников, в отличие от многих других нумизматов, при анализе и датировке монет учитывал их стилистические особенности. Он высказался по вопросу о границах позднескифского государства: «Владения, которые занимали скифские цари, чеканившие свои монеты в Ольвии, Скилура, Фарзой и Инисмией, точно не могут быть указаны. Кроме территории, которой владели цари, примыкающей к владениям Ольвии во времена Скилура и Палака, скифам принадлежала часть Крымского полуострова с крепостями, упоминаемыми в псефизме Диофанта и в VII книге географии Страбона»¹¹³. Орешников, таким образом, чеканку монет Скилура, Фарзоя и Инисмея поставил в прямую связь с укреплением скифского государства в Крыму и с расширением его границ вплоть до Ольвии.

Среди нумизматов Западной Европы монетам скифских царей уделили внимание Хэд, Пик, Миннз¹¹⁴ и др.

Из обзора основных исследований дореволюционного времени о монетах скифских царей вытекает,

что государство поздних скифов, начиная со времени Скилура, распространило свою власть на Ольвию. Может быть, с этими и новыми условиями связано то, что в отдельных эпиграфических памятниках Ольвии II в. до н.э. последняя называется «городом скифским». В одной из Ольвийских надгробных надписей мы читаем: «Эта могила, о странник, заключает в себе покойника, дошедшего до обычного всем предела жизни. Его родиной был скифский город Ольвия...»¹¹⁵.

В середине I в. до н.э. Ольвию временно захватили и разгромили геты, но в I в.н.э. город вновь «...по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещении эллинов, был восстановлен» (Дион Христом).

В I и II вв. н.э., судя по монетам скифских царей Фарзоя и Инисмея, Ольвия вновь находилась во временной зависимости от скифских царей, хотя, как и прежде, продолжала сохранять известную автономию и чеканить свои монеты. Деятельность Фарзоя и Инисмея, из которых первый чеканил золотые монеты, а второй – серебряные, падает на время вторичного подъема государства поздних скифов в I - II вв.н.э.

Временная зависимость Ольвии от скифских царей была пресечена, скорее всего, при Антонине Пии, когда последний «... послал в Понт помощь... против тавроскифов и одержал над тавроскифами такую победу, что они дали ольвиополитам заложников» (Юлий Капитолин).

Судя по декрету в честь Протогена, значительно ранее, на рубеже III и II вв. до н.э., при царе Сайтафарне, одном из предшественников Скилура, полной зависимости Ольвии от скифов еще не было. Взимались лишь временные «дары»¹¹⁶, которые позже могли превратиться в регулярную дань, закрепленную политической зависимостью.

Монеты скифских царей уточняют границы государства поздних скифов, в территорию которых вплоть до II в.н.э. входили, очевидно, Буго-Днепровские районы, что подкрепляется разведочными исследованиями В.И.Гошкевича¹¹⁷. Эти монеты уточняют время расцвета (II в. до н.э.) и нового подъема (I - II вв.н.э.) позднескифского государства и освещают его связи с прибрежным портовым городом Ольвией, через который скифы могли торговать хлебом и получать с ольвиополитов дань.

Наряду с надписями и монетами существенными источниками для исследования культуры и искусства Неаполя скифского являются найденные на его территории и в окрестностях города памятники скульптуры.

Мы уже привлекли суждения об этих памятниках Бларамберга, Кеплена, Уварова и многих других авторов, а также отдельные статьи Веселовского и Маркевича.

Подчеркнем, что Уваров обратил внимание на скифский отпечаток «в этих рельефах»¹¹⁸. Этот «отпечаток» сказался не только во внешних иконографических чертах (костюм, причеса, оружие и т.д.), но и в самом стиле. Данный круг памятников позволил выдвинуть вопрос об особом характере позднескифских рельефов, отличных от рельефов Боспора, Херсонеса и Ольвии.

На надгробие из Неаполя с пешим воином в верхнем поле рельефа и всадником в нижнем (табл. VIII) вслед за Уваровым обратил внимание Маркевич

в своей уже у Неаполя». О «Краткий указ» ворится, что лаясь на ука надгробие на

А.Ч.Кры ществу. Марк гладиатора «обыкновенн мшанковый и в рисунке. Вр

В свой т Причерномор рельефа из I лодого всадн лутое надгробн ника (табл. V

ли «стелой та тому же вря, описании рел выполнен он

до н.э. (имел На основании еф из Керме до н.э. Столь не сочли в всадника с П гами лошади вы «А» от гр ждествление ры согласили

Фигуру Неаполя (таб признали та М.И.Ростовц изображен г произвел на ском труде юге России

Влияние жественного мечено Вес Веселовский вой пряжке:

художественной варвар произведен го искусства На основан риала Весел изображающ веку по Р.Х

более ранн

Привле зал, что в аполье скиф скифа. Ес нировали з венного ра сто начали процесс с античного тенсивност

в своей уже упоминавшейся статье «К памятникам г. Неаполя». Он описал рельеф и внес поправку в «Краткий указатель Одесского музея», в котором говорится, что памятник доставлен из Смирны¹¹⁹. Ссылаясь на указатель музея, Маркевич разъяснил, что надгробие найдено на городище Неаполя в 1851 г.

А.Ч.Крым-Ховаджи подарил его Одесскому Обществу. Маркевич ошибочно признал в фигуре воина-гладиатора и неправильно определил камень как «обыкновенный грубый песчаник». На самом деле это мшанковый известняк. Автор воспроизвел надгробие в рисунке. Времени надгробия он не определил.

В свой труд об античных надгробиях Северного Причерноморья Кизерицкий и Ватцингер включили два рельефа из Неаполя скифского: с изображением молодого всадника на коне (табл. III) и только что упомянутое надгробие с изображением пешего воина и всадника (табл. VIII). Первый рельеф они ошибочно назвали «стелой тавра»¹²⁰. Всадник явно скиф, но не тавр, к тому же вряд ли рельеф является надгробием. При описании рельефа с всадником авторы отметили, что выполнен он по аттическим образцам V и начала IV вв. до н.э. (имелась в виду, очевидно, стела Дексилея)¹²¹. На основании чисто внешнего сходства мотивов рельеф из Керменчика ошибочно датирован началом IV в. до н.э. Столь ранняя датировка указывает, что авторы не сочли возможным отождествить изображенного всадника с Палаком. В нижней части рельефа под ногами лошади они заметили едва уловимые следы буквы «А» от греческой однострочной надписи¹²². С отождествлением Керменчика с Неаполем скифским авторы согласились.

Фигуру пешего воина на надгробном рельефе из Неаполя (табл. VIII,а) Кизерицкий и Ватцингер так же признали тавром. К этому мнению присоединился М.И.Ростовцев, указавший, что «...в верхнем поле изображен пеший, в нижнем – конный тавр». Он воспроизвел надгробие из Керменчика в своем классическом труде об античной декоративной живописи на юге России и дал его краткое описание¹²³.

Влияние греческого искусства на изделия художественного ремесла из Неаполя скифского было отмечено Веселовским в статье «Скифский всадник». Веселовский дал следующую характеристику бронзовой пряжке: «Рассматриваемая фигурка сделана так художественно изящно, что ее нельзя приписать простой варварской работе, а необходимо видеть в ней произведение, явившееся под влиянием классического искусства, процветавшего в греческих колониях»¹²⁴. На основании привлеченного сравнительного материала Веселовский пришел к выводу, «...что пряжка, изображающая скифского всадника, относится ко II веку по Р.Х.»¹²⁵. Полагаю, что пряжка выполнена в более раннее время, скорее всего во II - I вв. до н.э.

Привлеченный материал из раскопок XIX в. показал, что в рельефах и художественном ремесле Неаполя скифского был распространен образ всадника-скифа. Если раньше в искусстве скифов доминировали звериные мотивы, то в условиях государственного развития и городской культуры на первое место начали выступать изображения человека. Этот процесс сопровождался сильнейшим воздействием античного искусства на скифов. Однако при всей интенсивности этих влияний рельефы поздних скифов

своеобразны и их нельзя спутать с рельефами Боспора, Херсонеса и Ольвии, а также и с фракийскими рельефами.

Разнообразный круг рассмотренных нами источников (надписи, монеты, рельефы и пр.), связанных частью прямым образом, частью косвенно с Неаполем скифским, а также ряд свидетельств древних авторов позволили выдающемуся русскому историку древнего мира М.И.Ростовцеву высказать несколько интересных суждений о государстве поздних скифов и о городище Керменчик.

Ростовцев отметил произведенные за XIX в. «...повторные, но бессистемные раскопки около Симферополя, на месте предполагаемого скифского Неаполя»¹²⁶. Он признал, что «...важнейшей из первой серии крепостей была, вероятно, крепость на главном пути из степного Крыма в горный - старый греко-скифский город Скилура, около нынешнего Симферополя...»¹²⁷. Существенно, что Ростовцев оценивал городище как главную, важнейшую крепость, как город Скилура и при этом определил этот город как «греко-скифский». Последнее, очевидно, подсказано обнаруженными здесь греческими надписями, характером рельефов и другими находками. Высказался о Керменчике Ростовцев осторожно и в конце заметил, что этот город вряд ли носил «в древности имя Неаполь». Он предположил, что в первые века н.э. «...эта крепость была использована римлянами для того, чтобы преградить доступ к Херсонесу»¹²⁸. Как уже указывалось, нет оснований предполагать, что на Керменчике была стоянка римского гарнизона.

Ошибочность концепции Ростовцева о ранней скифской державе VII - V вв. до н.э. общеизвестна и неоднократно подвергалась критике¹²⁹. Его представления о государстве поздних скифов ближе к действительности: «Древнейшим из нам известных, прочным государством в степях юга России была, несомненно, скифская держава, просуществовавшая здесь непрерывно ряд столетий»¹³⁰. Далее говорится: «История Крыма II в. до Р.Х. стоит под знаком возрождения мощи старой скифской державы... два куса своей старой территории скифы удержали. Продолжает существование небольшое скифское царство в Добрудже и более крупная скифская держава в Крыму. Благоприятно сложившиеся условия... позволили нескольким энергичным скифским царям вновь спаять часть своей разложившейся державы и заявить, поддержав ее вооруженной силой, претензию на главенство над Крымом и греческими городищами северного побережья вплоть до Ольвии. Своего апогея скифская Крымская держава достигла при Скилуре в первой и второй половине II в. до Р.Х.... у них появился в Крыму крупный городской центр около нынешнего Симферополя. Возможно, что мы имеем дело с полугреческим городом, выросшим среди скифского полукошевого, полужемледельческого населения...»

Основой благосостояния этого скифского государства и греческой скифской столицы была, конечно, торговля с греческим миром хлебом и скотом. Не мудрено поэтому, что цари скифской державы стремятся получить в свои руки власть над важнейшими греческими портами. Им, вероятно, удалось захватить в свои руки Керкинитиду на западном берегу Крыма и

даже Ольвию, богатые арматеры которой дали им в руки нужный им флот и морские силы для обеспечения своего вывоза от грабежей крымских пиратов...

В связи с этим возрождением скифской державы, начавшимся, вероятно, уже в III в. до Р.Х., стоит постоянная скифская опасность, грозившая Херсонесу»¹³¹.

В широкой исторической картине расцвета позднескифского государства в Крыму во II в. до н.э. у Ростовцева есть отдельные неточности: здесь, скорее, не «возрождение» старой мнимой «державы», но процесс поступательного исторического развития классов и государства у поздних скифов с частичным переходом на оседлую жизнь и созданием городских центров на Нижнем Днепре и в Крыму. Вряд ли главный город позднескифского государства можно назвать «греко-скифской столицей», хотя греческие влияния здесь несомненно сказывались. Ростовцев преувеличивает роль торговли как основы благосостояния позднескифского государства и недооценивает степень развитости оседлости, земледелия и ремесла в предгорьях Крыма.

Ростовцев правильно указал на вторичный подъем позднескифского государства в I - II вв. н.э. Об этом он пишет: «... к концу I в. по Р.Х., как раньше в эпоху Нерона, Крымское скифо-таврское царство вновь выросло и окрепло и вновь сделалось сильным соперником как Боспорского царства, так и Рима»¹³². Крымские скифы, по Ростовцеву, вторично временно раздвинули «... свои пределы вплоть до Ольвии, что совершенно правильно отмечают географы и историки II в. по Р.Х.»¹³³.

В этой, в общем правильной, концепции вторичного укрепления позднескифского государства есть один неточный штрих. Ростовцев называет государство скифов первых веков н.э. «скифо-таврским царством». Это, очевидно, связано с неправильным представлением о том, что Крымские скифы объединили «... в своей державе и жителей горного Крыма, т.е. тавров»¹³⁴. Горная область тавров, скорее всего, находилась вне границ позднескифского государства. В этом определении сказался вкус Ростовцева к двойным терминам: Неаполь он называет городом «греко-скифским», а позднескифское государство - «Скифо-таврским». Эти определения, хотя имеют некоторые основания, отражая сложную природу позднескифского города и государства, нельзя признать точными, так как они снижают ведущую роль скифов в создании своей государственности и культуры.

Ростовцев, тем не менее, первый дал широкую характеристику двух основных этапов исторического развития позднескифского государства. Он правильно подчеркнул необходимость археологического исследования не только главного города этого государства, но и открытых поселений и городищ Крыма и Нижнего Днепра. Он подчеркивал, что «...точные выводы возможны будут только тогда, когда начнется, наконец, систематическое археологическое исследование Крымского побережья... и населенных пунктов внутри Крыма»¹³⁵. Он указал, что «...археологическое исследование горного и степного Крыма частью уже показало, частью покажет, что и здесь имелось в римское время не меньше поселений, чем по Днепру и Бугу»¹³⁶.

Разведки и раскопки советского времени подтвердили правильность этих предположений М.И.Ростовцева.

Из предшествующего изложения видно, что в до-революционное время раскопки городища Неаполя скифского велись от случая к случаю и носили, в известной мере, любительский характер. Местоположение исследованных участков не всегда наносилось на план городища¹³⁷. Обмеров древних сооружений не производилось; дневниковые записи, как правило, не велись; вещи распределялись по разным музеям; описи находок обычно не составлялись. Брались лишь отдельные, главным образом, целые вещи; массовый рядовой материал отбрасывался как не заслуживающий внимания. Вопросы стратиграфии игнорировались.

Все эти черты: погоня за эффектным вещами, невнимание к рядовому материалу, печать любительщины, разрозненность и бесплановость исследований - в еще большей мере сказались в раскопках могильника Неаполя скифского и скифских погребений в курганах Крыма. «Крымские курганы, кроме Керченских, вовсе не исследованы, - писал Н.И.Веселовский, - и исследование их затрудняется тем, что все почти земли Крымского полуострова находятся в частных владениях»¹³⁸. Частное землевладение осложняло и тормозило работу. Но даже тогда, когда памятники находились на землях городской управы, полное невнимание властей к их охране парализовало работу археологов. «Все, что было открыто за день каменных построек, ночью расхищалось соседними жителями. Принятые меры могли удержать покражу только во время работ, а по прекращению их все погребло бы, поэтому раскопки прекращены», - писал об исследовании Неаполя Веселовский.

Он же говорит о кладоискательстве на городище: «По рассказам, много напортили татары и турки, они брали петуха, завязывали голову и пускали на городище, там его и резали, а то место рыли, отыскивая клад... здесь много было попыток к кладоискательству и шло сильное расхищение камня...». «Попытка остановить эти «раскопки» при содействии администрации не достигает цели и, очевидно, никогда не достигнет, а приведет лишь к тому, что находимые предметы будут скрываться»¹³⁹.

Позже об этом писал Маркевич: «На охрану остатков Неапольского городища, даже после того, как он дал важные находки и открытия, ни власти, ни городское управление не обращали никакого внимания, и слабые уже остатки стен и жилищ на его поверхности по-прежнему разбирались на городские постройки и нужды известковых заводов, один из которых устроился у самого городища... Несмотря на протесты Таврической архивной комиссии, ломка и выборка камня на Неаполе для известковых заводов с разрешения Городской управы продолжались»¹⁴⁰.

Все эти разрушения древних памятников, наносившие непоправимый вред их изучению и популяризации, стало возможным пресечь лишь с победой в России Октябрьской революции.

Заботливое отношение молодого советского государства к делу историко-археологического изучения

Крыма прояв

власти Совет

24 ноябр

врангелевщи

издал приказ

ответственно

археологичес

коллекции и

ответственно

цию по охра

кустств Крым

частные лица

беспрекослов

дующего сек

В другом

обязанность

защита памя

ние этого пов

ну военно-ре

В охране

ли командо

приказе по 4

1920 г. было

Армии, распо

к предметам

Первые

в советское

начала раз

Тавриды (С

скифских гор

изучении ски

новое напр

средоточило

сколько на и

главный хр

1924 г. Эрн

скифское го

Ягмурцы), гд

сье. В отчет

Ягмурцы, в

неизвестное

Городищ

Крымских го

лис... Город

ми... зани

стратегичес

перь ясно в

таткам вала

ровности

большая ча

на Неаполи

Таким о

стоящее в

ему»¹⁴⁴

В этом

в окрестно

копки курга

обращалос

задачей яв

заметных,

более дре

сам населе

В одн

окраине С

Крыма проявилось с первых же дней утверждения власти Советов на Таврическом полуострове.

24 ноября 1920 г., через неделю после разгрома врангелевщины, Крымский революционный комитет издал приказ: «В целях сохранения объявляются собственностью государства все памятники зодчества, археологические, этнографические и прочие музеи, коллекции и предметы. Общее наблюдение и полная ответственность за их состояние возлагаются на секцию по охране памятников старины подотдела искусств Крымотдела и Наробразы. Все учреждения и частные лица Крыма обязаны оказывать содействие и беспрекословно подчиняться распоряжениям заведующего секцией или уполномоченных лиц»¹⁴¹.

В другом приказе говорилось: «Надо помнить, что обязанностью каждого гражданина является охрана и защита памятников старины и искусства и неисполнение этого повлечет за собой ответственность по закону военно-революционного времени»¹⁴².

В охране памятников деятельное участие приняли командование Красной армией и органы Чeka. В приказе по 4-й армии Южного фронта от 3 декабря 1920 г. было дано указание: «... всем частям Красной Армии, расположенным в Крыму, бережно относиться к предметам искусства и культуры»¹⁴³.

Первые археологические исследования в Крыму в советское время начались в 20-х годах и носили сначала разведочный характер. Центральный Музей Тавриды (Симферополь) приступил к обследованию скифских городищ Крыма и к раскопкам курганов. В изучении скифских древностей начало определяться новое направление. Внимание исследователей сосредоточилось не столько на раскопках курганов, сколько на изучении поселений. Эту работу возглавил главный хранитель Музея Тавриды Н.Л.Эрнст. В 1924 г. Эрнст с местными краеведами осмотрел скифское городище у дер. Ягмурцы (ныне Верхние Ягмурцы), где сейчас находятся земли совхоза Залесье. В отчете об этом осмотре говорится: «... у дер. Ягмурцы, в пяти верстах от Симферополя, имеется неизвестное до сих пор городище.

Городище лежит на так называемой второй гряде Крымских гор, на которой расположен также Неаполис... Городище господствует над всеми подступами... занимая положение, имеющее несомненно стратегическое значение... к городищу ведет еще теперь ясно видная древняя дорога. Она приводит к остаткам вала... За валом видны многочисленные неровности почвы, скрывающие остатки зданий... большая часть черепков аналогична встречающимся на Неаполисе...

Таким образом, мы имеем перед собой городище, стоящее в связи с Неаполисом и современное ему»¹⁴⁴.

В этом же 1924 г. Центральным Музеем Тавриды в окрестностях Симферополя были произведены раскопки курганов: «Ввиду того, что до сих пор внимание обращалось, главным образом, на крупные курганы, задачей явилось исследование курганов низких, едва заметных, расплывчатых, т.к. таковые могут быть: а) более древними, б) принадлежащими низшим классам населения, в) более сохранными»¹⁴⁵.

В одном из курганов (N 3) на северо-восточной окраине Симферополя в урочище Бахчи-Эли было

обнаружено центральное раннескифское погребение VI в. до н.э., с бронзовым трехгранным наконечником стрелы с шипом, кремневым наконечником и с интересным лепным сосудом местной работы¹⁴⁶.

В этом же кургане (N 3) было обнаружено впускное погребение, в нем найдены четыре круглые каменные растиралки, точильный брусок, амулет из каменной плитки, бусина из желтой пасты и простой лепной сосуд¹⁴⁷. Это погребение также относится к раннескифскому времени.

В другом кургане (N 2) находилось скифское погребение воина с бронзовыми трехгранными наконечниками стрел, двумя железными наконечниками копий и лепным сосудом. Погребение хорошо датируется чернолаковым киликом рубежом IV - III вв. до н.э.¹⁴⁸

Раскопки курганов в окрестностях Неаполя скифского, проведенные Эрнстом, дополняя материалы раскопок Веселовского и других исследователей, подтвердили, что до возникновения Неаполя и в ранний период его существования, в частности в III в. до н.э., скифское население этих мест держалось обычая хоронить в курганах.

Новый краниологический материал и создание в Крымском Университете Анатомического Института способствовали появлению в Крыму первого исследования по антропологии, в котором были использованы черепа из крымских курганов и могил Неаполя скифского. В 1925 г. была опубликована работа проректора названного Института доктора В.В.Масловского о древнейшем населении Крыма¹⁴⁹. Автор привлек и измерил антропологические материалы Неаполя скифского (17 черепов) и из курганов (5 черепов). Он отметил «... близость курганных черепов к черепам Неаполиса» и привел таблицы измерений тех и других. Оказалось, что «... по глазничному указателю неаполисские черепа неоднородны, резко разнятся и этим схожи и с курганным населением». Среди черепов Неаполя он отметил 4 долихокранных, 8 мезокранных и 3 брахиокранных и пришел к выводу, что «... неаполисские черепа не представляют единства, не представляют однородной группы», «... в нем существует более примитивный, туземный тип, который входит в тесное общественное и семейное общение с курганным населением кочевников, пришедших с севера»¹⁵⁰. Масловский указал, что монголоидных черт в черепах Неаполя «...мы не отмечаем и скуластость их не превосходит европейскую». Он заметил в единичных черепах из Неаполя признаки деформации, на что указывал в свое время и Н.И.Веселовский (ОАК, 1889, стр. 25). Возможно, что появление обычая деформации в Неаполе связано с проникновением в Крым сарматского населения. Смешанный характер населения Неаполя Масловский склонен, очевидно, объяснить тем, что это городище было не только крепостью Скипура, но и большим меновым центром, «...где купцы севера и юга сходились для торговли, иногда оседали и смешивались с туземцами»¹⁵¹.

Выводы Масловского построены на недостаточном материале, методика измерений не соответствует современным требованиям, но для своего времени они были важны, так как правильно отмечали смешанный характер населения этого города, находившегося на скрещении древних сухопутных путей. К

тому же, как уже говорилось, это первое антропологическое исследование с использованием черепов Неаполя.

В 1926 г. возобновились раскопки Неаполя скифского. В этом же году в Керчи состоялась первая конференция археологов СССР, определившая направление дальнейших археологических исследований в Крыму¹⁵². Разведочные работы на Керченском и Таманском полуостровах, в Херсонесе и Крымских предгорьях дополнились археологическими раскопками. Музеи, краеведы и учащаяся молодежь начали принимать более широкое участие в историко-археологическом изучении своего края. Новое марксистско-ленинское понимание процессов общественного развития обогащало работу археологов методологически и методически. Раскопки начали проводиться не для добычи драгоценных и редкостных вещей, но для решения проблем исторического развития племен и народов нашей страны.

В 1926 г. в Крыму была впервые осуществлена первая новостроечная экспедиция. На территории Неаполя скифского начали сооружать водораспределительный и водоочистный бассейн в связи с постройкой нового Аянского водопровода. Площадь, отведенная под бассейн, предварительно была обследована при участии археологов. Охранные раскопки и археологические наблюдения на городище были поручены Центральному Музею Тавриды и проведены Эрнстом.

В этих работах приняли участие краевед С.И.Забнин и начинающий тогда археолог С.Н.Бибииков. Раскопки дали значительные научные результаты.

Впервые не траншеями, а широкой площадью был исследован восточный участок южной оборонительной стены. Одновременно работало от 100 до 150 рабочих. Находки под кладкой позволили отнести ее к III - II вв. до н.э. Стена имела направление с востока на запад, ограждая город с южной, наиболее доступной для нападения стороны. Эрнст пишет: «Стена имеет неравномерную толщину, в среднем 2 метра, и сконструирована из облицовки неотесанными камнями-дикарями местной породы, сложенными на глине с забутовкой местного щебня на глине... вследствие позднейшего хищнического добывания камня стена сохранилась крайне плохо. В многих местах сохранившаяся высота ее достигала 2 метров. В одном месте стены обнаружился пустой промежуток шириной 4 метра, быть может, место городских ворот»¹⁵³.

Судя по приложенному чертежу, Эрнст не разобрался в структуре стены Неаполя скифского. Двухметровой толщины достигала лишь древнейшая стена. Более поздние пояса, примыкающие к старой стене, значительно увеличили ее толщину и мощь. Н.Л.Эрнст принял эти дополнительные пояса за развал камней: «... глина совершенно разрушилась, связь утрачена, и стена представляла собой беспорядочно нагроможденную груды...»¹⁵⁴. Преувеличивая «крайнюю примитивность» и «несовершенство стройки», Эрнст правильно отметил, что, наряду с основной линией городской стены, имелась и передовая стена, протейхизма. Она должна была предохранять массив основной стены от ударов тарана. Об этом в отчете

написано: «Вне стены, к югу от нее, обнаружена полоса нагроможденных камней, также дикарей, в совершенно разрушенном виде, вероятно означая передовую стену, протейхизму»¹⁵⁵.

Интересная сторона исследованного участка - обилие зерновых ям. Нижняя их часть вырублена в скале, верхняя выложена камнем на глине. На некоторых сохранились крышки, сделанные из каменной плиты. На этом участке обнаружено 25 ям, к востоку от городских ворот; небольшая часть - вне городских стен. Ямы расширялись в нижней части и суживались к горловине. В некоторых были найдены остатки обуглившегося зерна (ячменя и проса). Найдены круглые жернова, прямоугольные жернова-толкачи и зернотерки, верхние и нижние.

Ямы группировались около жилищ: «Во многих местах раскопанной территории обнаружались остатки фундаментов построек... В одном месте... найдено высеченное в скале прямоугольное углубление с уступом в виде скамьи у одной стороны, служившее, вероятно, выемкой для землянки»¹⁵⁶. Ее размеры - 4 x 3 м, глубина - 0,54 м, наибольшая толщина стен каменных жилищ - 1 м.

Интересны печь и жаровня, найденные на городище: «Они состоят из круглой мазанной из глины с толченой керамикой прожженной сковороды, диаметром около 1 метра, с возвышенными краями; над нею - сложенный из камня на глине полусферический купол с отверстием сверху.

Такие печи, сходные с иными, бытующими на Кавказе, служили, вернее всего, для выпечки лепешек»¹⁵⁷. Размеры печей приводятся в дневнике: диаметр - 1 аршин, высота закраин - 15 см, толщина обмазки - 5-7 см.

Среди находок «... первое место занимают фрагменты керамики... В нижних слоях, лежащих на материковой скале, найдены фрагменты чернолаковой керамики III в. до н.э. Выше, в следующем горизонте, фрагменты мегарских чашек и краснолаковой посуды. В обоих этих горизонтах - штемпелеванные амфорные ручки. Выше следовали обильные находки краснолаковой керамики с некоторым количеством керамики местной. Еще выше расположенный горизонт отличался большим преобладанием местной варварской керамики и небольшим количеством греческой импортной. Из найденных керамических изделий упомянем также кровельную черепицу, грузила и округло-оббитые черепки, служившие, по-видимому, для игры»¹⁵⁸.

Из вооружения «... найдено несколько стрел, обычных скифских трехгранных бронзовых и несколько железных кинжалов»¹⁵⁹, а также камни для пращи.

«Существенные выводы, - замечает Эрнст, - дают найденные кости животных. Среди них первенствующее по количеству место занимают кости лошади. На втором месте стоят кости быка, далее следуют: коза (овцы нет совсем), свинья, собака. Из диких найдены: олень, кабан, лиса». В этой характеристике костного материала, исследованной В.И.Громовой, существенно преобладание костных остатков лошади и отсутствие костей овцы. В дальнейших раскопках кости овцы были найдены.

Для исследованного участка характерно довольно значительное количество погребений в черте города, главным образом детских: «В разных местах горо-

дища найдены уже к эпохе бония найдены нилищах. В спине в вынем железна. В другом дочном полувентаря. О часть их в горлом. При нескольких ловческие при жизни м

Одно в в насыпи в городской с ния города.

Особый надгробия, стелы с изображением ресный при нится сейч музей. Н.Л. «Здесь, не Скилура, в ства и связ - I вв., посл варвариза культуры Н. ческих, рим смесь степ Древности ленный ха рить о «Не

«Во м вуют город гие известн последние вполне сос нам говори туры» в об историческ мощного т царе Скилу

В закл дал облиц дарства: « тории Не бедные сл может про перерыто нем Неапо ными и ли оттого, что укрепленн

Нетру ление о Н считал, ч царской с оценил го его бедн тельных с

дища найдены погребения. Они относятся, вероятно, уже к эпохе разрушения и упадка города. Два погребения найдены в двух из вышеупомянутых зернохранилищах. В одном... покойник лежал на дне его на спине в вытянутом положении, головой на запад; при нем железный кинжал и голова и передние ноги барана. В другом - покойник в сильно стиснутом, беспорядочном положении, головой на северо-восток, без инвентаря. Обнаружено несколько детских погребений: часть их в сосудах, горшках и амфорах с отбитым горлом. При них украшения, главным образом бусы. В нескольких зернохранилищах найдены отдельные человеческие черепа. Из них один явно отрубленный при жизни мечом»¹⁶⁰

Одно впускное детское погребение было найдено в насыпи вала, образовавшегося после разрушения городской стены. Оно относится к концу существования города.

Особый интерес имеет обломок, по-видимому, надгробия, найденный в черте города: «... фрагмент стелы с плоским схематизированным варварским изображением человеческой головы»¹⁶¹. Этот интересный примитив с бородатой головой мужчины хранится сейчас в Крымском областном краеведческом музее. Н.Л.Эрнст пришел к следующему выводу: «Здесь, несомненно, существовало поселение еще до Скилура, в III в. до н.э. Наибольшего расцвета, богатства и связи с греко-римским миром оно достигло во II - I вв., после чего следует эпоха упадка, обеднения и варваризации в первые века н.э. Для материальной культуры Неаполя характерна смесь элементов греческих, римской эпохи и местных; среди последних - смесь степных и горных, т.е. скифских и таврских. Древности Неаполя образуют совершенно определенный характерный комплекс, позволяющий говорить о «Неапольской культуре».

«Во многих местах крымского предгорья существуют городища, по типу сходные с Неапольским. Многие известны давно, некоторое число отыскано нами в последние годы. Они дают находки и погребения, вполне соответствующие неапольским. Это позволяет нам говорить о распространении «Неапольской культуры» в обширном районе предгорного Крыма. Оно исторически связано, по-видимому, с образованием мощного тавро-скифского государства в Крыму при царе Скилуре и его сыновьях»¹⁶²

В заключительной части своего отчета Н.Л.Эрнст дал обобщенную характеристику столицы этого государства: «На всей раскопанной и разведанной территории Неаполиса обнаружены лишь чрезвычайно бедные следы жилищ и построек... Такая бедность может происходить: а) оттого, что городище крайне перерыто добытием камня...; б) оттого, что в древнем Неаполисе большинство построек было деревянными и лишь кое-где с каменными фундаментами; в) оттого, что скифский город представлял собой лишь укрепленный лагерь кочевых юрт»¹⁶³

Нетрудно заметить, что это ошибочное представление о Неаполе навеяно М.И.Ростовцевым, который считал, что центр скифской державы находился «в царской ставке - укрепленном лагере». Эрнст недооценил городской характер памятника, преувеличил его бедность, «крайнее несовершенство» оборонительных стен и «убогость» жилищ¹⁶⁴.

Выводы Н.Л.Эрнста, тем не менее, значительно углубили и расширили сведения о государстве поздних скифов, характере Неаполя как города, его хронологии и стратиграфии и о культуре поздних скифов.

Но в этих выводах имеется ряд неточностей. Эрнст называл государство поздних скифов «тавро-скифским», переоценивая роль тавров в его сложении. Он считал, что это государство образовалось при Скилуре и его сыновьях, тогда как оно сложилось раньше. Его территорию он ограничивал Крымом. На самом деле процесс формирования позднескифского государства протекал на более широких пространствах, включавших низовья Днепра и степи, примыкавшие к Таврическому полуострову. Центр скифского государства, по-видимому, сначала находился в нижнеднепровских районах и только потом переместился в Крым или же возник здесь заново. Правильно выдвигая вопрос о своеобразии культуры Неаполя скифского, Эрнст дает слишком узкое определение этой культуры как «Неапольской». Точнее было бы ее определять позднескифской, в которой Неаполь, естественно, самый яркий памятник. Преувеличена роль тавров и недооценена роль греков в процессах сложения этой культуры и сарматов в ее дальнейшем развитии.

Несмотря на то, что охранные раскопки Неаполя протекали в крайне трудных условиях, что отмечено Эрнстом, уровень его исследований и методика фиксации значительно выше, чем у его предшественников. Работы сопровождались съемкой плана городища, нанесением на план раскопок, составлением генерального плана раскопанного участка, дневниковыми записями и фотографированием. Составлена, к сожалению, без нумерации крайне общая полевая опись. Впервые было обращено внимание и на стратиграфию культурных слоев, однако без необходимой их фиксации.

Все находки из раскопок поступили в Центральный Музей Тавриды. Ценная сторона исследований заключалась в том, что раскопки и наблюдения во время прокладки траншеи для водопроводных труб (траншея пересекла городище с юга на север) были дополнены раскопками некрополя (вырубных склепов) и разведочным изучением скифских городищ крымских предгорий, из которых самым крупным был Неаполь.

Эрнст правильно наметил дальнейшие перспективы работ: «... необходимы дополнительные археологические исследования Неаполя и его некрополя и, особенно, изучение других городищ этого же типа в Крыму, которые нам известны чрезвычайно мало»¹⁶⁵

В 1927 г. в Херсонесе состоялась 2-я конференция археологов СССР, приуроченная к столетию с начала раскопок в Херсонесе. На конференции было отмечено и столетие первых раскопок Неаполя скифского. 12 сентября Н.Л.Эрнст прочел доклад: «Неаполь скифский к столетию со времени первых раскопок», на который мы уже неоднократно ссылались. Наименование древнего города в докладе дано продуманно, с прилагательным «скифский» с маленькой буквой, поскольку в древних письменных источниках в названии это определение отсутствует. Оно дано, главным образом, для того, чтобы не смешивать Неаполь итальянский и фракийский с Неаполем скифским.

В докладе была дана краткая история исследования города и подведены итоги его охранных раскопок в 1926 г. Было подчеркнуто, что вопрос о местоположении Неаполя нельзя считать решенным: «Категорически вопрос этот не может быть решен и поныне, ввиду чего Симферопольское городище мы называем Неаполем лишь условно и предположительно». По докладу была принята резолюция: «Конференция считает необходимым дальнейшее исследование Неаполя и других скифских городищ в Крыму и желательным опубликование сводной работы о Неаполе»¹⁶⁶.

Столетие с начала исследований Неаполя скифского побудило крупного знатока Крыма А.И.Маркевича выступить с обстоятельной статьей по истории изучения Неаполя за сто лет. Это наиболее полный исторический очерк по Неаполю, к которому мы уже неоднократно обращались. Маркевич был горячим сторонником мнений Бларамберга о связи Неаполя с Керменчиком и найденных на городище рельефов с царями Скилуrom и Палаком. В статье он призывает обратить больше внимания «...на многочисленные, но до сих пор не изученные в должной мере городища с остатками укреплений»¹⁶⁷. Он перечислил города, упомянутые Птолемеем «внутри Таврического полуострова»: Пароста, Портакра, Илурат, Сатарха, Бадатий, Китей, Таз, Аргода, Тавана. Он присоединился к высказанному ранее предположению, «что Неаполь тождествен с Сатархой». Это маловероятно, так как Сатарха, судя по пиратской деятельности сатархеев, была, скорее всего, севернее и ближе к морю.

Сатархеев Маркевич почему-то назвал «тавроскифами» и присоединился к мысли, что Скилур был царем племени саударатов или сатархов. Это тоже маловероятно, так как позднескифское государство объединяло в себе многие скифские племена, превращавшиеся в то время уже в народность. В число этих племен могли входить и сатархеи как одно из них.

Маркевич выдвинул и другое предположение, что рассказ Полиена о сарматской царице Амаге (которая «...овладела столицей скифского царя, убила его и его близких, страну отдала херсонесцам, а царскую власть вручила сыну убитого царя»), связан с Неаполем. Это предположение выглядит правдоподобным, но следует иметь в виду, что рассказ Полиена - это лишь своего рода новелла, хотя и навеянная историческими событиями.

Опираясь на материалы охранных раскопок Эрнста, давших обломки чернолаковых сосудов, Маркевич отнес возникновение Неаполя скифского к IV-III вв. до н.э. По его мнению, Неаполь прекратил свое существование, по всей вероятности, во время нашествия на Тавриду готов или гуннов¹⁶⁸. Доверившись Эрнсту, он говорит в своей статье, «...что от оборонительной стены города остались только жалкие остатки больших камней и неотделанного сырца, положенных как бы наскоро, насухо или на глине»; «...не слабым стенам Неаполя, - говорит он, - сооруженным наскоро и неумело, можно было противостоять войскам Диофанта, превосходно вооруженным и закаленным в боях с римскими армиями»¹⁶⁹. Дальнейшие раскопки показали, что стены Неаполя, несмотря на их варварский характер, достаточно мощные и прочные сооружения, могущие успешно противостоять ударам таранов¹⁷⁰. Далее Маркевич говорит,

«...что глинобитные жилища были очень невелики и убоги». О каменных жилых постройках он не упоминает, и тем самым создается неправильное представление о городе, который в статье назван «городком».

В связи с этим укажем, что Неаполь скифский по своим размерам (20 га) среди древних городов Крыма после Пантикалея и Херсонеса занимает третье место (размеров Феодосии из-за позднейшей застройки города мы не знаем). По тому времени назвать Неаполь «городком» никак нельзя. Это хорошо укрепленный город.

Маркевич упомянул памятники скульптуры, найденные на Неаполе, в том числе и надгробие с головой бородатого мужчины. Он пишет: «Найден еще кусок каменной плиты с грубым линейным изображением человеческого лица, вероятно надгробие. Он также может быть датирован III веком до н.э.» Предложенная датировка (III в. до н.э.) вызывает сомнения, могил столь раннего времени в некрополе Неаполя мы не знаем. Скорее всего, памятник относится к первым векам новой эры.

В заключение, развивая мысль Эрнста, он говорит о том, что «... произведенные раскопки с несомненностью выяснили одновременное существование на Неаполе в эллинистическую и римскую эпоху двух культур - греческой и тавроскифской, что указывает смешанный характер населения этого городка, с массовым преобладанием в нем скифского элемента»¹⁷¹.

Маркевич далее пишет: «Раскопками 1926 г. обследована небольшая часть городища, притом окраинная, примыкавшая к внешней стене его... Центральная часть Неаполя может дать более ценные находки, когда он дождется новых раскопок. Но и то, что было уже сделано, показало, насколько важно и необходимо научное и планомерное изучение городищ Крыма и в какой степени оно неотложно»¹⁷².

К сожалению, раскопки Неаполя скифского в двадцатых годах продолжались всего два года и только как охранные. В 1927 г. в связи с прокладкой траншеи для водопроводных труб Эрнст произвел раскопки и расчистки нескольких каменных вырубных склепов на восточном участке некрополя Неаполя скифского. Из них наиболее интересным оказался склеп N 6. Как и остальные, он имел дромос, входное отверстие, заложенное плитой, и погребальную камеру. На левой южной стороне камеры в скале был вырублен рельеф с изображением скифа-всадника. Эрнст сфотографировал его (табл. IXа) и отметил на плане склепа место, где он находился (рис. 14). Это пока что единственный скифский наскальный рельеф с изображением всадника¹⁷³. К сожалению, рельеф погиб во время Великой Отечественной войны.

В этом же году Эрнст произвел раскопки и исследование трех склепов II - III вв. н.э. в мягком мергелистом известняке у дер. Нейзац (ныне Красногорское). Один из склепов, любительски раскопанный учениками Нейзацкой средней школы, по-видимому, был не разграблен и дал много находок. В другом на стене против входа, справа от ниши, вырезан тамгообразный знак. В одном из склепов Неаполя, или Нейзаца, на стене в формах плоского рельефа схематически и примитивно изображена человеческая фигура (табл. IX, б), о которой мы судим по фотографии Эрнста¹⁷⁴.

Это второй
времени.

В 1926 г. в
большого
нескифского
Кият (ныне
свое время
Кеппен, а
мысу трет
тепльных
копки пока
линистиче
первые ве
тересное
сарматски
Тавриды¹⁷⁵

В это
скифских
ферополь
Эли¹⁷⁷

В том
бережья к
двух скиф
пал скифс
лос Лимен
ружил по б
В). На горо
надгробие
ческой фил
рийском му

В 1930
небольшог
Султан (ны
лу укреп
По характе
ля, но мен
возникло в
первые ве

В 1936
Академии
ступил с д
му и скиф
числение в
горьх скиф
Кермен-Кы
мурцы (сов
Мазанка, С
зац (с. Кр
Тайгын (с.
ренково),
(с. Заветно
Дровянка),
ловка)¹⁸⁰. П

Эрнстом на
Крыма, кот
Музее Тавр

В 1933
Л.А.Моисее
и северо-з
цельный ряд
лиц, в том
возникло в
Тобе (близ
ская юрта-

Это второй наскальный рельеф позднескифского времени.

В 1929 г. Эрнст произвел разведочные раскопки большого, второго по размерам после Неаполя, позднескифского городища Кермен-Кыр у дер. Сарайлы-Кият (ныне совхоз Красный) близ Симферополя. В свое время на городище обратили внимание Дюбуа, Келпен, а затем Маркевич. Городище расположено на мысу третьей гряды. Оно имеет две линии оборонительных стен. В нем ярко выражен акрополь. Раскопки показали, что древний город возник здесь в эллинистическое время и продолжал существовать в первые века нашей эры¹⁷⁵. На городище найдено интересное примитивное антропоморфное изваяние с сарматским знаком (рис. 16). Оно поступило в музей Тавриды¹⁷⁶.

В этом же году Эрнст обследовал два позднескифских городища в долине реки Бештерека Симферопольского района у дер. Соловьевка и Хан-Эли¹⁷⁷.

В том же году Л.А.Моисеев при обследовании побережья к западу от Евпатории отметил признаки двух скифских городищ на берегу моря. Он же раскопал скифский курган IV в. до н.э. около городища Калос Лимен и Ак-Мечети (ныне Черноморск)¹⁷⁸ и обнаружил по близости два скифских изваяния (табл. 1, Б и В). На городище Калос Лимен он нашел примитивное надгробие местной работы с изображением человеческой фигуры. Все три памятника хранятся в Евпаторийском музее.

В 1930 г. Эрнст произвел разведочные раскопки небольшого скифского городища у дер. Мамут-Султан (ныне Доброе) на Алуштинском шоссе. В тылу укрепление ограждено оборонительной стеной. По характеру кладки она напоминает стены Неаполя, но менее мощная. Городище, как отметил Эрнст, возникло в III в. до н.э. и продолжало существовать в первые века н.э.

В 1936 г. на Крымском пленуме Государственной Академии истории материальной культуры Эрнст выступил с докладом, посвященным Неаполю скифскому и скифским городищам Крыма. Он дал перечисление всех обнаруженных к этому времени в предгорьях скифских городищ: Неаполь (у Симферополя), Кермен-Кыр или Сарайлы-Кият (совхоз Красный), Ягмурцы (совхоз Залесье), Мамут-Султан (с. Доброе), Мазанка, Соловьевка, Хан-Эли (с. Лесноселье), Нейзац (с. Красногорское), Аргин (с. Балки), Юхары-Тайгын (с. Озерное), Чердаклы, Булганак (с. Бондаренково), Биюк-Яшлав (с. Репино), Алма-Кермен (с. Заветное), Алма-Томак (с. Песчаное), Бешуй (пос. Дровянка), Тас-Тепе (с. Тенистое), Мамашай (с. Орловка)¹⁸⁰. Перечисленные 17 городищ были нанесены Эрнстом на составленную им археологическую карту Крыма, которая была экспонирована в Центральном Музее Тавриды.

В 1933-1934 г. П.Н.Шульц продолжил начатое Л.А.Моисеевым разведочное обследование западного и северо-западного побережья Крыма и обнаружил целый ряд новых позднескифских укреплений и селищ, в том числе и зольничных. Большинство из них возникло в III в. до н.э. Раскопками на городище Кара-Тобе (близ с. Прибрежное) обнаружена позднескифская юрта-зимник I в.н.э., аналогичная юрте того же

времени, изображенной в росписи склепа Анфестерия в Керчи. Работы Шульца показали, что на западном и северо-западном побережье Крыма, наряду с греческими городами (Керкинитиды, Калос-Лимен и др.), имеются позднескифские укрепления, резко от этих городов отличающиеся и по размеру, и по характеру¹⁸¹. Здесь соприкасались, а порой и сталкивались экономические и политические интересы греков и скифов, Херсонеса и позднескифского государства и происходили сложные культурные взаимодействия тех и других.

В 1933 г. им была закончена и доложена в ГАИМК работа по исследованию скульптуры Северного Причерноморья. В этой работе отдельная глава была посвящена памятникам скульптуры Неаполя скифского¹⁸².

После неоднократных осмотров Неаполя скифского Шульц составил, а затем передал в ГАИМК докладную записку с программой археологических исследований Неаполя скифского и других скифских городищ Крыма.

В 1936 г., осматривая гипсовые отливки Музея скульптуры Всесоюзной Академии Художеств, Шульц обнаружил слепок с фрагмента небольшого рельефа, изображающего бородатого старца и юношу в войлочных скифских шапках. Нетрудно было уловить, что этот слепок сделан с мраморного рельефа, найденного Бларамбергом на Керменчике в 1827 г., им зарисованного (рис. 4). В этом же музее находится слепок второго рельефа из Керменчика с изображением скифского юноши на коне, предполагаемого Палака. Оба слепка позднее были включены в каталог музея Академии Художеств¹⁸³. На обороте слепка одесского рельефа имеется пометка о выполнении отливки в 1838 г. Очевидно, тогда же была выполнена отливка и с мраморного рельефа, находившегося в личной коллекции Бларамберга.

Находка слепка фрагмента мраморного рельефа явилась своего рода открытием, которое позволило заново поставить вопрос о портретных рельефах Неаполя скифского. Теперь, помимо неточной зарисовки Бларамберга, в руках исследователей появился достаточно хорошо сохранившийся слепок исчезнувшего рельефа¹⁸⁴.

Наряду с археологическими исследованиями Неаполя и других скифских городищ Крыма в двадцатые годы продолжались изучения эпиграфического материала из Неаполя и монет скифских царей.

В.В.Патышев, в уже упоминавшейся статье 1921 г., уточнил восстановление надписи Ходарза (N 2) и затронул некоторые вопросы, связанные с другими надписями из Неаполя¹⁸⁵. А.В.Орешников продолжил свои исследования монет скифских царей¹⁸⁶.

Как уже отмечалось, некоторым надписям из Неаполя, упоминающим Ахилла и Левку, уделил внимание в своей яркой работе «Остров Белый и Таврика» И.И.Толстой.

А.И.Соболевский в своих «Русско-скифских этюдах» и «Топонимических заметках» рассмотрел названия скифских городищ¹⁸⁸. По поводу Неаполя он писал: «Неаполь, в древнерусском переводе Новгородъ Русьский, упоминается в известном чуде св. Стефана Сурожского, где действующим лицом является князь Бравлин, взявший Сурож-Судак».

Взгляд на тождество Неаполя скифского с Новгородом жития Стефана Сурожского, высказанный А.И.Соболевым и И.П.Козловским, взял под сомнение Б.Д.Греков, считавший, что князь Бравлин был связан, скорее всего, с Новгородом Великим, а оттуда ходил на Сурож¹⁸⁹. Можно допустить, что Новгород, упоминаемый в «Житии», - это Новгород Северский (или же какой-либо другой южно-русский город с этим названием). Во всяком случае, в Неаполе археологических материалов времен раннего Сурожа VIII - IX вв. пока не найдено.

С.А.Жебелев в связи с новым толкованием декрета в честь Диофанта, в особенности того места, где идет речь о восстании Совмака, уделил внимание проблеме государства поздних скифов. На нескольких страницах он суммировал многое из того, что было сказано раньше, и дал краткий выразительный очерк о скифском государстве времени Скилура и Палака¹⁹⁰. Опираясь на данные декрета в честь Протогена, он указал, что «Ольвия вынуждена была, в конце концов, признать над собою в конце III в., по меньшей мере, главенство скифских царей, как показывают это ольвийские монеты, на которых имена этих царей стоят наряду с именем города. В первой половине II в. скифы, которых продолжают вытеснять из степной полосы сарматы, сосредотачиваются в Крыму, ... скифы, жившие и действовавшие до тех пор вразброд, начали постепенно объединяться. В Крыму, в тылу у Херсонеса, образовалось объединенное Скифское государство, во главе которого стал царь Скилур. Став господином Ольвии (неизвестно, оккупировал ли он ее или сделал вассальной), он стремился расширить границы своего царства в юго-восточном направлении»¹⁹¹.

Жебелев считал, что средоточие скифского царства «... было около теперешнего Симферополя». Он характеризовал его «... не как скифское, а как греко-скифское царство» и видел в нем отражение процессов эллинизации Северного Причерноморья. Он указал, что «... в царстве Скилура прежде всего возникает ряд укрепленных поселений..., главное из которых носит даже чисто греческое имя Νεάπολις, если только это название не является переводом на греческий язык туземного слова, обозначающего «Новгород»¹⁹². Жебелев, следовательно, согласился, что главный город государства поздних скифов находился около Симферополя и назывался Неаполь.

Основная внешнеполитическая задача позднескифского государства времени Скилура и Палака, по Жебелеву, «...состояла в том, чтобы вытеснить с приморской полосы греков, занять их место, получить те выгоды, которыми пользовались греки, обладая непосредственным доступом к морю. Скифы поняли значение моря для успехов постепенно организуемого государственного быта, ... когда скифы окрепли настолько, что сумели объединиться в государство эллино-скифского типа, они повели борьбу с теми, кто их долго угнетал, причем борьба эта, как мы видим, проводится планомерно и последовательно, идя с запада на восток, от более слабого к более сильному - сначала Ольвия, затем Херсонес, наконец Боспор»¹⁹³.

С.А.Жебелев, используя все имеющиеся письменные источники, полнее других осветил в тридцатых годах XX в. процессы борьбы позднескифского государства с греческими городами и понтийским вторжением в Крым, а также и роль скифов в восстании на Боспоре в конце II в. до н.э. Он правильно показал, что укрепление позиций на берегах Черного моря для поздних скифов было существенным звеном их внешней политики. Это подтверждалось и монетами скифских царей, чеканенными в Ольвии, и цепью позднескифских укреплений на западном и северо-западном побережье Крыма.

Слабое звено в построениях С.А.Жебелева - ограничение территориальных границ позднескифского государства Крымом (он его называл «Крымским царством») и сужение хронологии деятельностью двух скифских царей - Скилура и Палака. Скилура он считал своего рода «создателем» «Крымского царства». Дальнейшие исследования внесли коррективы в эту географически и хронологически суженную картину.

С.А.Жебелев ограничился характеристикой преимуществу внешней политики позднескифского государства и не затронул вопросов его социально-экономического строя, так как материалами по этому вопросу он не располагал. Письменные источники об этом молчали, а достаточно проверенного археологического материала было еще мало.

Эти материалы значительно пополнились многолетними систематическими исследованиями послевоенных лет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи. - Спб, 1803. - Ч. I - II.
2. Муравьев-Апостол И.М. Путешествие по Тавриде. - Спб, 1823.
3. Грибоедов А.С. Собрание сочинений, изд. Н.К.Пиксанова, т. III, стр. 177 сл.; см. «Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10 - 13 сентября 1927 года», Севастополь, 1927, речь С.Ф.Платонова, стр. 13 сл. В этой речи дана яркая характеристика оживления интереса к Тавриде и ее историческим сокровищам со стороны русского общества в двадцатых годах XIX в.
4. См. Шульц П.Н. Скульптурные портреты скифских царей Скилура и Палака, КСИИМК, 1946, ХП, стр. 44 сл.
5. Эти надписи вошли в классическое издание эпиграфических памятников Северного Причерноморья В.В.Латышева (IOSPE, I², 1916, N 668, 670 - 671); Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя скифского, «Нумизматика и эпиграфика». Вып. 3. М., 1962.
6. Яцуржинский Х.П. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе, ИТУАК, 1889, N 7, стр. 47 сл. Стевен Х., очевидно, видел у Султан-Крым-Гирея известняковый рельеф с юношей на коне. Он неправильно определил камень как песчаник и недооценил качество работы.
7. IOSPE, I², N 668; Соломоник Э.И., ук. соч.
8. Об этом см.: Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре, МИА, 1954, N 36, стр. 27, сл.; Соломоник Э.И. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья. Сб. «Археология и история Боспора». С., 1952, стр. 112 сл.

9. IOSPE
10. Латышев
11. IOSPE
12. Первый
13. См. «С
14. Blarami
15. Цитиру
16. Blarami
17. Об это
18. Кёппен
19. Там же
20. F.Duba
21. «St.Pet
22. Мурзак
23. Фабр А
24. Keller C
25. Об это
26. Белин
27. Уваров
28. Уваров
29. Уваров
30. IOSPE,
31. IOSPE,
32. IOSPE,
33. Соломо

9. IOSPE, I², N 352.
10. Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, Спб, 1887, стр. 136, и сл.; Зограф А.Н. Античные монеты, МИА, 1951, N 16, стр. 137 сл.
11. IOSPE, I², N 670-671; Соломоник Э.И., ук. соч.
12. Первые публикации находок на Керменчике даны И.П.Бларамбергом на французском языке в «Journal d'Odessa», N 47 от 18 июня, и N 69 от 3 сентября.
13. См. «Открытие признаков древней крепости близ Симферополя», Одесский Вестник», N 70 и 71 за 7 и 10 сент. 1827 г. Эта же статья помещена в журнале «Сын Отечества» (Спб, 1827, ч. 115, отд. VII, стр. 359-366). Обе статьи без подписи. А.И.Маркевич в своей работе «К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя (ИТОИАЭ, С., 1929, стр. 7, прим. 1), высказал предположение, что статью написал А.Я.Фабр.
14. Blaramberg I.P. De la position de trois forteresses tauroscythes dont parle Strabon..., Odessa, 1831, стр. 14 сл. Перевод А.Л.Бертье-Делагарда (ИТУАК, N 7, стр. 56 – 59). Последующие раскопки Неаполя скифского не подтвердили предположения Бларамберга о том, что здесь находилась греческая колония родосцев. Не подтвердилась и попытка связать укрепление «Палакий» с Балаклавой, а «Хабей» с Отузами.
15. Цитируем по переводу А.Л.Бертье-Делагарда (ИТУАК, N 7, стр. 60).
16. Blaramberg, ук. соч., табл. 1.
17. Об этом в упомянутой статье П.Н.Шульца (стр. 48-49).
18. Кёппен П. Крымский сборник, Спб, 1837, стр. 36, 325, 334. К работе приложен план Неаполя (табл. LXVI) и воспроизведены надписи.
19. Там же, стр. 327.
20. F.Dubais de Montpre'ux, Voyage autour de Caucase et en Crimée..., Paris, 1839 - 1873, т. V, стр. 199; т. VI, стр. 380, 382, 386.
21. Кёппен П., ук. соч., стр. 330 - 334; см. также «St.Petersburgische Zeitung, 1895, N 103 и «Журнал Министерства внутренних дел», 1835, N 5, стр. 285, сл.; Ящуржинский X., ук. соч., стр. 49.
22. Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1836. ЖМНП, N 3, 1837, январь, стр. 630.
23. Фабр А. Достопамятнейшие древности Крыма и соединенные с ними воспоминания. Одесса, 1859, стр. 88 сл.; его же. О древних нагорных укреплениях в Крыму, ЗООИД, 1844, 1, стр. 76.
24. Keller G. Serapis, 1, 18..., стр. 529 сл.
25. Об этом см. у А.И.Маркевича, ук. соч., стр. 9; по поводу мнения Грефе см. также у Кёппена, ук. соч., стр. 328, прим. 485; Воеск, СИГ., П, N 2103, стр. 83 сл. 26.
26. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений...
27. Уваров А.С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. М., 1851, т. 1, стр. 95 сл.
28. Уваров А.С. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г., Спб, 1855, стр. 129-134; его же, Несколько слов об археологических разысканиях близ Симферополя и Севастополя «ПроPILEИ». М., 1854, IV, стр. 525 - 527.
29. Уваров А.С. Извлечение из всеподданнейшего отчета, стр. 134; «ПроPILEИ», IV, стр. 527.
30. IOSPE, I², N 672. Местонахождение надписи, хранившейся ранее в Гос. Историческом музее, неизвестно.
31. IOSPE, I², N 669; Латышев В.В. Заметки по греческой эпиграфике. ИРАИМК, 1921, т. I, стр. 98 сл.; Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя скифского, стр. 32 - 44, Надпись хранится в Гос. Историческом музее.
32. IOSPE, I², N 94.
33. Соломоник Э.И., ук. соч.
34. P.Becker, Die Herakleotische Halbinsel in archaologisch-iseziehung, Leipzig, 1856, s. 46.
35. Граков Б.Н. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, 1928. Об этом же у В.Ф.Гайдукевича, Боспорское царство, М., 1949, стр. 534, прим. 3.
36. Уваров А.С. «ПроPILEИ», IV, стр. 527.
37. Уваров А.С. Исследования о древностях южной России..., М., 1851, т. II; Атлас, табл. XXXVI, 5; см. также Маркевич А.И. К памятникам г. Неаполиса, ИТУАК, с. 1891, N 12, стр. 87 - 89, табл. 1; лучшее воспроизведение в АДЖ, табл. LXXXV, 1.
38. Юргевич В.Н. Краткий указатель Музея Одесского Об-ва истории и древностей, Одесса, 1890, стр. 40 - 41, N 65.
39. По данным Юргевича, надгробие, найденное на городище Керменчик, было подарено Одесскому обществу истории и древностей преподавателем Симферопольской гимназии Крым-Ховаджи в 1851 г. Юргевич в описании надгробия, по-видимому, перепутал верхний и нижний его рельефы.
40. Уваров А.С. Атлас, табл. XXXVI, 5.
41. Уваров А.С. Извлечение об археологических изысканиях за 1853 г., стр. 131; «ПроPILEИ», IV, стр. 526.
42. Кропоткин В.В. Клады римских монет на территории СССР САИ, вып. Г 4-4, М., 1961, тр. 65, N 622, там же дальнейшая литература. В работе упоминается монета, найденная Уваровым.
43. P.Becker, ук. соч., стр. 41 - 46.
44. Брун Ф. Черноморье, ч. I, Одесса, 1879, стр. 70.
45. Кондараки Б.Х. Универсальное описание Крыма, 1875.
46. Бурачков П.С. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Митридата со скифами, ЗООИД, 1881, т. XII, стр. 229 - 230, 243.
47. IOSPE, I², N 352. Там же приведена литература, связанная с декретом.
48. О границах «Малой Скифии» Страбона см.: Граков Б.Н. Каменское городище, стр. 22; Соломоник Э.И. О скифском государстве, стр. 112 сл.
49. Юргевич В.Н. Псефизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора за покорение Крыма и освобождение херсонесцев от владычества скифов, ЗООИД, 1881, т. XII, стр. 1 и сл.
50. Там же, стр. 24.
51. Об этом у Ящуржинского X., ук. соч., стр. 55.
52. Тимошевский Г.Н. Сб. «Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии», 1890.
53. Ребец Ф. Судьба Крыма при Митридате Евпаторе, ИТУАК, 1888, N 6, стр. 85. Ребец держался неправильной датировки походов Диофанта против скифов и относил их, вслед за Юргевичем, к 94 - 80 гг. Э.Мейер датирует походы концом II в. до н.э. (Meyer E. Geschichte des Ronigreiche Pontes, Leipzig, 1879, стр. 89 сл.). Дата Мейера с небольшими поправками сейчас принята большинством исследователей. См. об этом: Жебелев С.А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. ВДИ, 1938, N 3, стр. 49 сл.
54. Цитирую по А.И.Маркевичу (К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя, стр. 12 - 13). Сравните рукописный отчет Н.И.Веселовского в архиве ЛОИА (Ф. 1,17/1889. - Л. 46). К нему приложены схематические планы и рисунки основных находок. В отчете же, опубликованном в ОАК за 1889 г. (стр. 20 - 27), Веселовский более осторожен, он подчеркнул, что ввиду разногласий вопрос о местоположении Неаполя скифского «окончательно может быть решен продолжительными раскопками», стр. 20.

55. Ящуржинский, ук. соч., стр. 51, сл.; его же. Письма об археологических разведках в г. Симферополе и его окрестностях, «Из мира искусства и науки», Одесса, 1887, вып. 1 - 2, стр. 2, 3; Сб. «Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии», 1890 (статьи Тимошевского, Лашкова, Ребеца и др.).
56. Сосногорова М.С. Путеводитель по Крыму, Одесса, 1871, стр. 38; Маркевич А.И., ук. соч., стр. 11.
57. Филимонов Г.Д. Антропологическая выставка 1879 г. М. 1880, т. III, ч. 2, вып. 2, стр. 17.
58. Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, СПб, 1890, вып. III, стр. 116.
59. Ящуржинский Х., ук. соч., стр. 51; его же, Письма об археологических разведках в г. Симферополе..., стр. 2, 3.
60. Тимошевский Г.П., ук. соч., стр. 38, рис. на этой же странице. Ящуржинский Х., ук. соч., стр. 51 сл.
61. Ящуржинский Х.П. Разведки о древнем скифском укреплении Неаполисе, ИТУАК, 1889, N 7, стр. 51.
62. Лашков Ф. Симферополь и его окрестности. СПб; Третья учебная экскурсия, стр. 39.
63. Ящуржинский Х., ук. соч., стр. 52 сл., табл. II; Протокол заседания Таврической ученой археологической комиссии, 15 апреля 1888 г., ИТУАК, N 3, 1888, стр. 85 сл.
64. В протоколах ТУАК постоянно упоминаются передачи находок в музей /см. ИТУАК, N 3, стр. 35; N 6, стр. 118 - 120, 123; N 7, стр. 91 - 92, 95 - 97, 100, 105, 111, 121, 123; N 8, стр. 131, 135, 140; N 9, стр. 130-131, 140, 143; N 11, стр. 164; N 15, стр. 120; N 18, стр. 131; N 19, стр. 133, 137; N 21, стр. 125; N 29, стр. 100, 113; N 30, стр. 104; N 31, стр. 84; N 42, стр. 99; N 43, стр. 169; N 48, стр. 273/.
65. Архив археологической комиссии в ЛОИА.
66. Там же; Смотри также архив Херсонесского музея, Отчет К.К.Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1892 году, Дело N 3, лист. 19.
67. Веселовский Н.И., ОАК, 1889, стр. 27.
68. Там же, стр. 20; 26-27.
69. Там же, стр. 20-21.
70. Там же, стр. 20-27.
71. Веселовский Н.И. Скифский всадник, ИТУАК, N 14, 1891, стр. 81 - 83, табл. 1; ОАК, 1889, стр. 260, рис. 11. На основании ряда аналогий (об этом ниже), в отличие от Веселовского, я склонен датировать пряжку III - I вв. н.э. Полагаю, что это работа местная.
72. Ящуржинский Х., ук. соч., табл. 1; Об идольчиках-амулетах упоминает и Веселовский /ук. соч., стр. 21/.
73. Протокол заседания Таврической ученой архивной комиссии от 23 янв. 1892, ИТУАК, N 15, 1892, стр. 120. А.Стивен сообщил о ценной и необычной для могильника в Петровской балке находке: «... в одной из могил найдена медная херсонесская монета... Важность этой находки состоит в следующем: на Неаполисе, т.е. на поверхности земли, были уже находимы монеты (две имеются в музее Симферопольской гимназии), но настоящая монета найдена в могиле, среди других предметов древности, и это обстоятельство может иметь весьма важное значение для определения хронологии древнего кладбища в этой местности. К сожалению, Стивен не сообщил о дате монеты.
74. Ящуржинский Х.П. в 1889 г. по этому поводу писал: «Замечательно, что в расчищенных пещерах и в разрытых могилах не найдено ни одной монеты, ни одной надписи; так что мы не имеем даты времени, к которому относится это кладбище» (ИТУАК, N 7, стр. 54).
75. Первое сообщение о кладе сделал А.Стивен на заседании Таврической ученой архивной комиссии 5 сент. 1890 г. (ИТУАК, N 11, С. 1891, стр. 155 - 156, 166 - 167). Дальнейшая литература у В.В.Кропоткина, ук. соч., стр. 64 - 65.
76. Тимошевский Г.И., ук. соч. Эту же мысль в более осторожной форме высказал Келпен. Опираясь на данные Бларамберга о кладе римских монет, он писал: «... отысканные монеты могли быть достоянием какого-нибудь римского воина, находившегося здесь в конце второго десятилетия третьего века. Но это, вероятно, останется догадкой, если какие-нибудь новые открытия не послужат к пояснению истории времен давно прошедших» («Крымский сборник», стр. 330).
77. Там же.
78. Отчет проф. Ю.А.Кулаковского о его расследованиях в 1895 г., ОАК, 1895, стр. 117, рис. 291; Архив ЛОИА, ф. 1, 29/1895; «Прошлое Тавриды» (Изд. второе, Киев, 1914) Кулаковский уделяет несколько страниц вопросам и событиям, связанным с Неаполем скифским (стр. 24 - 27). Он примкнул к мнению Бларамберга о тождестве Керменчика у Симферополя с Неаполем: «Неаполь» - пишет он, - локализуется поблизости от Симферополя к северу от него (к юго-востоку, П.Ш) на одном холме, где были сделаны кое-какие находки» (стр. 25, прим. 1). Руководителя скифского восстания на Боспоре Савмака он назвал «скифским царевичем». Он отметил: «Во II в. Ольвия признала над собою власть соседних скифских царей, и на монетах стало чеканиться имя владыки. Таков царь Скилур, помянутый выше в обзоре судеб Херсонеса» (стр. 42). Он упомянул Плавтия Сильвана, который «... отогнал «скифов» от Херсонеса». Он подчеркнул, что в I - II веках Ольвия «... по-видимому, признавала над собою власть варварских царей. Указание в этом смысле дают монеты с именами царей Фарзоя и Инисмея» (стр. 47). «При имп. Антонине ПиИ Ольвию теснили новые враги: тавроскифы, имя упоминается в этом случае впервые в наших источниках» (стр. 48). Кулаковский в беглых штрихах обрисовал, как мы видим, ряд важных событий, связанных с историей позднескифского государства.
79. Маркевич А.И. Расчистка кургана в окрестностях Симферополя, ИТУАК, 1890, N 10, стр. 107 - 110, табл. 1; Там же, стр. 145; Лашков Ф. Отчет о деятельности Таврической ученой архивной комиссии за 1890 г., ИТУАК, 1891, N 12, стр. 111. Вопрос о позднескифских «коллективных» погребениях в курганах Крыма поставлен и освещен в диссертации Т.Н.Троицкой «Скифские погребения в курганах Крыма» (архив ИИМК, 1954 г.); см.: Троицкая Т.Н. Скифские погребения в курганах Крыма. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук, Симферополь, 1954; она же. Скифские курганы Крыма. Изв. Крымского отдела Геогр. об-ва Союза СССР, вып. 1, 1951, стр. 94 сл., стр. 97.
80. Об этом в докладе Н.Л.Эриста «Неаполь скифский» («Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10 - 13 сентября 1927 года», Севастополь, 1927, стр. 24); см. также Маркевич А.И. К столетию исследований на городище Неаполе...; ук. соч., стр. 11, 13. О расхищении камня на городище писали также Бларамберг (ИТУАК, N 7, стр. 58), Уваров («Прописи»), Ящуржинский (ИТУАК, N 7, стр. 47, сл.) и Кондараки (ук. соч.). Неоднократные протесты ТУАК против разрушения городища в большинстве случаев не давали нужных результатов (см. протоколы в ИТУАК, N 35, 1903, стр. 49; N 36, 1904, стр. 59, N 38, 1905, стр. 85).
81. IOSPE, I, 1885, N 241 - 244, IV, 1901, N 191 - 192; I2, 1916, гл. X, Neapolis Scythica... N 668 - 673.
82. Blaramberg I.P. De la position de trois fortresses, табл. 3; Воеск, CIG, II, N 2103; IOSPE, I2, N 668, стр. 504 - 505.

83. IOSPE, I²,
В.В.Латыш
вторично
84. Латышев
ИРАИМК,
85. Об этом у
ники Неап
86. IOSPE, I²,
4; Келпен
в; IOSPE,
87. IOSPE, I²,
део, тене
назван: С
88. Minns, Sc
р. 463.
89. IOSPE, I²
Неаполя
тем боле
тышевым
всего, да
90. Латышев
ственном
IOSPE, I²
ольвийск
И.Г.Забе
сидея, А
букв... ук
первое с
сomm, 1
(IOSPE,
бочное м
ровки не
можно п
был тем
скифско
ношени
Ахилл
Латыше
н.э., вре
92. IOSPE,
табл. 4;
IOSPE,
93. Открыт
рополя
сент. 11
359 сл.
следов
стр. 6.
Бларам
ние По
Латыш
пишет
94. IOSPE
о архе
50; IO
в Гос
метки
Толст
ском п
(«Зам
приня
Э.И.С
95. IOSPE
97. IOSPE
си, на
325 -
косе,
328 -
дила
IOSP
тыше
192.
свящ
века

- тура у
- 65.
ке мысль в более ос-
пен. Опираясь на
имских монет, он пи-
гли быть достоянием
находившегося здесь
етьего века. Но это,
если какие-нибудь
ояснению истории
ымский сборник»,
- его расследовани-
рис. 291; Архив
Тавриды» (Изд. вто-
еляет несколько
связанным с Неапо-
примкнул к мнению
енкича у Симферо-
шет он, - локализу-
к северу от него (к
е, где были сдела-
рим. 1). Руководи-
споре Савмака он
Он отметил: «Во II в.
сть соседних скиф-
еканятся имя вла-
лутый выше в обзоре
помянул Плавтия
скифов» от Херсо-
веках Ольвия «...
бою власть варвар-
сле дают монеты с
я» (стр. 47). «При
или новые враги:
этом случае впер-
3). Кулаковский в
ны видим, ряд важ-
ней позд-
- в окрестностях
О, стр. 107 - 110,
Ф. Отчет о дея-
охранной комисси
о. 111. Вопрос о
погребениях в кур-
н в диссертации
ния в курганах
л.: Троицкая Т.Н.
Крыма. Автореф.
поль, 1954; она же.
ымского отдела
1951, стр. 94 сл.,
- Неаполь скифский»
в СССР в Херсо-
Севастополь,
н А.И. К столетию
оле...; ук. соч., стр.
одище писали так-
58), Уваров
АК, N 7, стр. 47,
кратные протесты
ца в большинстве
татов (см. прото-
N 36, 1904, стр.
01, N 191 - 192; I2,
668 - 673.
is forteresses,
I2, N 668, стр.
83. IOSPE, I², N 669; первоначально издана В.В.Латышевым в ЗРАО (вып. VII, стр. 86, N 241), вторично им же в IOSPE (IV, N 191).
84. Латышев В.В. Заметки по греческой эпиграфике, ИРАИМК, 1921, т. 1, II, стр. 18.
85. Об этом у Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя скифского..., N 2 (669).
86. IOSPE, I², N 670; Blaramberg, ук. соч., стр. 16, табл. 4; Келпен, ук. соч., стр. 329, N 488; Voesck, CIG, 2103 в; IOSPE, I, N 242.
87. IOSPE, I², NN 77, 78. В декрете, посвященном Посидею, тенедейцами (N 78), за оказанные им услуги он назван: «... сын Посидея ольвиополит».
88. Minns, Scythians and Greeks..., Cambridg, 1913, p. 463.
89. IOSPE, I², N 77, стр. 106. Если Посидей Ольвии и Неаполя одно и то же лицо, что весьма вероятно, то тем более странно отнесение данной надписи Латышевым по начертанию букв к III в. до н.э. Скорее всего, дата надписи здесь занижена.
90. Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, СПб., 1887, стр. 133.
91. IOSPE, I², N 670, стр. 506. Стефани при публикации ольвийской надписи, найденной в 1873 г. И.Г.Забелиным, посвященной Посидеем, сыном Посидея, Афродите Евплии, заметил, что «... формы букв... указывают на римскую эпоху, вероятно, на первое столетие н.э.». (Z.Stefani, Comte-Rendu de la comm, 1874, p. 102, ets.). Об этом у Латышева (IOSPE, I², N 168, стр. 182). Латышев, цитируя ошибочное мнение Стефани о дате надписи, свой датировки не выдвинул, но тут же подчеркнул: «Легко можно предположить, что Посидей, сын Посидеев, был тем же самым лицом, которое посвятило в скифском городе Неаполе благодарственные приношения Зевсу Атабаирийскому, Афине Линдии и Ахиллу Понтарху». Это суждение показывает, что Латышев был склонен относить надпись ко II в. до н.э., времени деятельности Посидея.
92. IOSPE, I², N 671; Blaramberg I.P., ук. соч., стр. 16, табл. 4; Келпен, ук. соч., 329, N 488; Voek, CIG, 2103; IOSPE, I², N 243.
93. Открытие признаков древней крепости близ Симферополя. «Одесский Вестник», N 70 - 71 за 7 и 10 сент. 1827 г.; «Сын отечества», 1827 г., ч. 115, стр. 359 сл.; об этом у А.И.Маркевича. К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя, стр. 6. Ошибка первоначального восстановления Бларамберга, где надпись толкуется как посвящение Посидея нимфе Напее Акмине была разъяснена Латышевым (IOSPE, I², N 671). Об этом детально пишет Э.Соломоник, ук. соч., N 4 (671).
94. IOSPE, I², N 672; Уваров А.С. Извлечения из отчета о археологических разысканиях в 1853 г., стр. 134, N 50; IOSPE, I, N 244. О передаче надписи из Поречья в Гос. Исторический музей, см. у В.Латышева (Заметки по греческой эпиграфике, стр. 17 сл.)/.
95. Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском понте, П., 1918, стр. 41, Латышев в ук. статье («Заметки по греческой эпиграфике», стр. 21 - 22) не принял дополнений Толстого. Об этом см. у Э.И.Соломоник, ук. соч. N 672 (4).
96. IOSPE, I², N 325.
97. IOSPE, I², N 130 - 146. См. также Ольвийские надписи, найденные на о. Левке, посвященные Ахиллу (N 325 - 326) и надписи, обнаруженные на Тендровской косе, предполагаемом «Ахилловом беги» (там же, N 328 - 332) и на Кинбурнском полуострове, где находилась, очевидно, роща Гекаты (N 327).
98. IOSPE, I², N 673; первая публикация надписи у Латышева в ЗРАО, т. VII, стр. 86, N 244; IOSPE, IV, N 192. Латышев пишет: «Надпись носит характер посвящения, относится ко времени не позднее второго века до Р.Х.» (IOSPE, I², стр. 507).
99. Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, стр. 114 - 133.
100. Орешников А. О монетах скифских царей, ЗРАО, 1890, Новая серия, ук. соч., стр. 133, прим. 15.
101. Там же, стр. 131, прим.
102. IOSPE, I², N 673.
103. Уваров А.С. Исследование о древностях Южной России, стр. 87 и 112, атлас, табл. XXIII, 62, 64 - 69.
104. Кене. Описание Музеума князя В.В.Кочубея, СПб, 1857, т. 1, стр. 27.
105. Бурачков П.С. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, Одесса, 1884, стр. 106 сл., табл. IX.
106. Там же.
107. Бурачков П.С. О местоположении города Керкинитеса и монет, ему принадлежащих, ЗООИД, 1875, т. IX, Одесса, стр. 93-98. Об этой монете Бурачков пишет: «... по не зависящим от нас причинам, мы не можем приложить здесь рисунка с монеты Скилура, чеканенной в Керкините. На лицевой стороне ее представлен Скилур, позади его изображен Сагарис и надпись КЕР, а на оборотной лук, над ним палица, надпись в две строки: ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΣΚΙΛΟΥΡΟΣ. Ни Латышев, ни Орешников об этой монете не упоминают, очевидно, сомневаясь в достоверности сведений Бурачкова.
108. Орешников А.В. Каталог собрания древностей гр. А.С.Уварова, М., 1887, вып. VII, стр. 25.
109. Он же. О монетах скифских царей с именем города Ольвии, ЗРАО, 1890, т. IV, Новая серия, стр. 21 сл., табл. II.
110. Он же. Каталог собрания древностей гр. А.С.Уварова, стр. 26-29; Minns, ук. соч., стр. 486; Орешников А.В. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья. Нумизматический сборник, М., 1914, т. III, стр. 20, табл. 1.
111. Там же, стр. 16; Бертье-Делагард А.Л. Материалы для весовых исследований монетных систем... Нумизматический сборник, М., 1913, П, стр. 67. В своей ценной работе Бертье-Делагард на основании веса монет Инисмея - Иненсимея отнес правление этого царя к I - II вв.н.э. и отметил, что данные монеты чеканились по римской системе в один и три денария. Доводы Бертье-Делагарда весьма убедительны.
112. Орешников А.В. Экскурсы в область Нумизматики Черноморского побережья, стр. 18.
113. Там же, стр. 48.
114. Head V.V. Historia Numorum, 2 ed., Oxford, 1911, V.Pick. Die antiken Munzen Nord-Gruchinlands, 282 - 283; V.I., H. 1-2, tab. IX - XII, Berlin, 1898; Minns, ук. соч. стр. 486 сл., табл. III.
115. IOSPE, I², N 226, стр. 239.
116. IOSPE, I², N 32. Датировка декрета (следовательно, и времени жизни Сайтафарна) до сих пор вызывает споры. Часть исследователей относит его к концу III в., часть - к началу II в. до н.э.
117. Гошкевич В.И. Древние городища по берегам низовья Днепра, ИАК, вып. 47, стр. 117 сл.
118. Уваров А.С. Извлечения из всеподданнейшего отчета..., стр. 129 сл.
119. Маркевич А.И. К памятникам Неаполиса, ИТУАК, 1891, N 12, стр. 87 сл.; Юргевич В.Н. Краткий указатель Одесского музея, Одесса, 1890, N 65, стр. 40 - 41.
120. Kuseritzky und Watzinger, Griechische Grabreliefs ans Sudrusland, Berlin, 1909, стр. 98, N 442, табл. LXXXV, б1. Приходится, к сожалению, отметить плохое качество воспроизведения рельефа в этой работе.
121. Conze, Du Aitische Grabreliefs, Berlin, 1898; Dippold H. Die Attische Grabreliefs des 5 und 4 Jahrhunderts v. Chr, Berlin, 1931.
122. Kuseritzky und Watzinger, ук. соч., N 557. В настоящее время следы надписи окончательно стерлись. Снимок и репродукция в приведенной работе на-

- столько плохие, что не дают представления о памятнике.
123. Там же, N 442, табл. XXXII; Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России, СПб, 1914, том. 1, стр. 340, т. П, табл. LXXXV. Стела воспроизведена у Ростовцева значительно лучше, чем у Кизерицкого и Ватцингера.
 124. Веселовский Н.И. Скифский всадник, ИТУАК, 1891, вып. 14, стр. 81 - 83, табл. I, 1.
 125. Там же, стр. 82.
 126. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 145. Эта капитальная работа источниковедческого характера была подготовлена в значительной своей части еще до Октябрьской революции и сдана в печать в начале 1918 г. Но опубликовать книгу удалось лишь в 1925 г.
 127. Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России, П., 1918, стр. 158.
 128. Там же.
 129. См. Граков Б.Н. Каменское городище на Днепре, МИА, 1954, N 36, стр. 10; Соломоник Э.И. О скифском государстве. Сб. «Археология и история Боспора», 1952, стр. 104.
 130. Ростовцев М.И., ук. соч., стр. 6.
 131. Там же, стр. 105 - 106.
 132. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор, стр. 167.
 133. Там же, стр. 67, прим. 1.
 134. Там же.
 135. Там же, стр. 76 - 77.
 136. Там же, стр. 78.
 137. Планы городища с указанием мест раскопок были составлены и опубликованы Бларамбергом, Дюбуа и Ящуржинским. Уваров и Веселовский планы городища с обозначением раскопанных участков, по-видимому, не составляли и к своим отчетам не приложили. Схематический рисунок Веселовского в рукописном отчете в счет не идет (Архив ЛОИА, ф. 1, 17/1890). Генеральные планы раскопок у всех до-революционных исследователей Неаполя отсутствуют.
 138. Архив ЛОИА, ф. 1, 17/1890.
 139. ОАК, 1889, стр. 20 - 27; Архив ЛОИА, ф. 1, 17/1890.
 140. Маркевич А.И. К столетию исследований на городище Неаполя у Симферополя, стр. 11, 13. В работе указано: «Во время присоединения Крыма к России на этом городище существовали еще значительные развалины, из которых камень беспрепятственно брался на казенные и частные постройки Симферополя, между прочим, по словам Кондараки, и на постройку собора» (стр. 5). Об этом пишет и Бларамберг: «... все штучные камни, происходящие из древних и новых построек, существовавших на местности этой крепости, были постепенно вывезены и употреблены в Симферополе на разные постройки, как-то: казармы, госпитали и другие общественные и частные здания» (ИТУАК, N 7, стр. 58). Обратил на это внимание и Уваров. Неаполь, по его словам, «...много пострадал от татар, разбирающих камни древних зданий. С 1848 г., когда я в последний раз видел эту местность, много произошло перемен: татары успели уже совершенно разобрать все следы городской стены и разрыть некоторые курганы и насыпи» (Архив ЛОИА, N 231, 12/1853, л. 13). Следует заметить, что беспощадная выборка камня началась в Неаполе еще в древности, в особенности в III в. н.э., в период глубокого упадка города. Камень, как показали раскопки, выбирался уже тогда из развалин оборонительных стен, разрушенных на рубеже II - III вв., и из заброшенных старых построек. Неаполь в этом отношении особенно не везло как в древнее, так и в настоящее время.
 141. Полканов А.И. История музейного дела и охраны памятников культуры за десять лет Советской власти в Крыму, ИТОИАЭ, С., 1931, IV, стр. 99; Шульц П.Н. Историко-археологические исследования в Крыму /1920 - 1950 гг./, Альманах «Крым», С., 1950, N 6, стр. 146 сл.
 142. Приказ N 16 Керченского Военно-Революционного Комитета от 24 ноября 1920 г.
 143. Полканов А.И., ук. соч., стр. 100.
 144. Архив ЛОИА, ф. 2, 110/1924.
 145. Эрнст Н.Л. Отчет о раскопках курганов в окрестностях Симферополя в 1927 г. Архив ЛОИА, ф. 2, 109/1924, л. 5 - 7; он же. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921 - 1930), ИТОИАЭ, С., 1931, IV, стр. 79 - 80; Бибииков С.Н. Об этих погребениях - см. Троицкая Т.Н. Скифские курганы Крыма, Изв. Крымского отд. Географического Общ. Союза СССР, С., 1951, стр. 90 сл.
 146. Эрнст Н.Л., ук. соч., стр. 80; Архив ЛОИА, ф. 2, 109/124, л. 5 - 6; Троицкая Т.Н., там же, стр. 90.
 147. Троицкая Т.Н. Находки из скифских курганов Крыма, хранящиеся в Областном краеведческом музее, ИАДК, С., 1957, стр. 175; Эрнст Н.Л., ук. соч., стр. 80; Архив ЛОИА, ф. 2, 109/1924, л. 6 - 7. В отчете Эрнста круглые каменные растиралки ошибочно названы «жерновками». Погребение им неправильно отнесено к «римской эпохе». Характер растиралок и лепного сосуда позволяют датировать погребение раннескифским временем.
 148. Троицкая Т.Н., там же, стр. 179; Эрнст Н.Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму, стр. 80; Архив ЛОИА, ф. 2, 109/1924, л. 5 - 6.
 149. Масловский В.В. К вопросу о древнейшем населении Крыма, Медицинский архив, С., 1925, т. 1, N 3, стр. 308 - 323.
 150. Там же, стр. 319.
 151. Там же, стр. 309.
 152. Конференция археологов СССР в Керчи, Керчь, 1926, бюллетени N 1 - 6; Мацулевич Л.А. Конференция археологов СССР в Керчи, СГАИМК, 1926, 1, стр. 271 - 286.
 153. Эрнст Н.Л. Неаполь скифский (к столетию со времени первых раскопок), Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, 10 - 13 сентября 1927 г. Севастополь, 1927, стр. 23 - 28, стр. 26.
 154. Эрнст Н.Л. Краткий предварительный отчет о раскопках скифского городища «Неаполис» у Симферополя в 1926 году, Архив ЛОИА, ф. 2, 1927; Архив Крымского областного краеведческого музея, стр. 2.
 155. Там же, стр. 2.
 156. Эрнст Н.Л. Неаполь скифский, стр. 26. Сходные вырубки в скале примерно тех же размеров были обнаружены при дальнейших раскопках городища после войны. См. Шульц П.Н. Исследования Неаполя скифского (1945 - 50 гг.). История и археология древнего Крыма», К., 1957, стр. 82. Генетически они могут быть восходят к полуземлянкам в кизилкобинской культуре, хорошие примеры которых обнаружены на туфовой площадке пещеры Кизил-Коба. См. Бонч-Осмоловский Г.А. Доисторические культуры Крыма, Крым, N 2, М., 1926, стр. 93, рис. 5; Домбровский О.И., Щепинский А.А. Отчет о раскопках в урочище Кизил-Коба в 1961 г. Архив ИА АН УССР. Возможно, что в условиях Неаполя подобные «полуземлянки» небольших размеров приобретали уже характер подсобных помещений.
 157. Эрнст Н.Л., там же, стр. 26.
 158. Там же, стр. 27.
 159. Он же. Краткий предварительный отчет, стр. 3.
 160. Он же Неаполь скифский, стр. 26. Скопление черепов с признаками смертельных травм, мужских и женских, обнаружены в 1949 г. в одной из зерновых ям на западной окраине городища. Об этом в статье Соколовой К.Ф. «Череп из зерновой ямы 1955 г. Неаполь скифский, Архив ОАС (КФ ИА НАНУ - ред.) в г. Симферополе.
 161. Эрнст Н.Л., ук. соч., стр. 27.

162. Там же, стр. 27 -
163. Он же. Краткий п
164. Ростовцев М.И. З
- России...
38. Ростовцев зд
- вых скифов, но н
- был Неаполь. Ко
- роде, было нем
- быта. Здесь, веро
- с каменными и гл
- полуземлянками
- на материалы ис
- восточной окраи
- ность и примитив
- скифов.
165. Эрнст Н.Л. Неап
- слуг Эрнста в де
- Крыма в систем
- обследовании с
- боте он опирало
- С.И.Забнина. По
- своим большин
- ных, Эрнст и его
- городище:
- Мазанка (см. ст.
- Нейзац (с. Крас
- Тайган /с. Южн
- Тас-Тепе, Мама
- ка/ и др... Раско
- разведочные /К
- проведены Эрн
- нию, подготовл
- пись которой в
- зависящим от а
166. Эрнст Н.Л., там
- Неаполе скифс
- Н.И.Новосадск
- К.Э.Гриневиц, С
- метил, что Неап
- ром, но уже суц
- сказал пожела
- ного исследова
- С.Ф.Платонов г
- с завершением
- пок, вступил бы
- чик в отчетном
- 1926 г. поселен
- долго до Скилу
- ля, то они «...с
- музее Тавриды
- музее, частью
- ференция архе
167. Маркевич А.И.
- ще Неаполе у
- ИТОИАЭ, С., 1
- изучению горо
- городищ (стр.
- работке скифс
- ветское время
- усилиению вни
- и культуры поз
- что степные с
- ры (V в.) могут
- имущественно
- для изучения
- сти начиная с
- ским источни
- бескуранные
168. Там же, стр. 1
- жение об усло
- ятно. Надо за
- щения жизни
- риалов, относ
- чтожно мало.

162. Там же, стр. 27 – 28.
163. Он же. Краткий предварительный отчет..., стр. 2.
164. Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России...
38. Ростовцев здесь имел в виду ставку царских кочевых скифов, но не город с оседлым населением, каким был Неаполь. Конечно, в Неаполе, как в скифском городе, было немало черт, унаследованных от кочевого быта. Здесь, вероятно, стояла царская конница; наряду с каменными и глинобитными домами, землянками и полуземлянками было немало юрт. Но Эрнст, опираясь на материалы исследованной, в условиях спешки, юго-восточной окраины городища, явно преувеличил бедность и примитивность быта главного города поздних скифов.
165. Эрнст Н.Л. Неаполь скифский..., стр. 28. Одна из заслуг Эрнста в деле полевого изучения памятников Крыма в систематическом разведочном розыске и обследовании скифских городищ Крыма. В этой работе он опирался на краеведов, в частности на С.И.Забнина. Помимо известных ранее городищ, в своем большинстве дополнително ими осмотренных, Эрнст и его помощники обнаружили 9 новых городищ:
Мазанка (см. статью в газете «Красный Крым»), Нейзац (с. Красногорское), Чердаклы, Юхары-Тайган /с. Южноозерное/, Биюк-Ашлав /с. Репино/, Тас-Тепе, Мамашай /с. Орловка/, Бешуй /п. Дровянка/ и др... Раскопки, охраняемые /Неаполь скифский/ и разведочные /Кермен-Кыр, Мамут-Султан/, были проведены Эрнстом на трех городищах. К сожалению, подготовлявшаяся им сводная работа, рукопись которой в Музей Тавриды не поступила, по не зависящим от автора причинам не была напечатана.
166. Эрнст Н.Л., там же, стр. 28. По докладу Эрнста о Неаполе скифском на конференции выступили: Н.И.Новосадский, Н.Е.Макаренко, А.П.Кантипалов, К.Э.Гриневиц, С.Ф.Платонов. Н.И.Новосадский отметил, что Неаполь не был основан царем Скилуrom, но уже существовал до него. К.Э.Гриневиц высказал пожелание о подготовке к публикации сводного исследования по Неаполю скифскому. С.Ф.Платонов пожелал, «... чтобы вопрос о Неаполе, с завершением столетия с начала его первых раскопок, вступил бы в новую эру его изучения». Докладчик в отчетном слове заявил, что «судя по работам 1926 г. поселение на городище существовало задолго до Скилура». Что касается находок из Неаполя, то они «... сосредоточены частью в Центральном музее Тавриды, частью в Московском историческом музее, частью же в Одесском музее» (Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, стр. 28).
167. Маркевич А.И. К столетию исследований на городище Неаполе у Симферополя (1827 – 1927), ИТОИАЭ, С., 1929, т. III (60), стр. 4 – 14. Призыв к изучению городищ (стр. 4 – 14). Призыв к изучению городищ (стр. 4) отражал новое направление в разработке скифской проблемы, определившееся в советское время. Это направление способствовало усилению внимания к проблеме государственности и культуры поздних скифов. Следует иметь в виду, что степные скифы ранней (VII – VI вв) и средней поры (V в.) могут быть археологически изучены преимущественно на материалах курганов, тогда как для изучения культуры поздних скифов, в особенности начиная с II в. до н.э., основным археологическим источником становятся городища, селища и бескурганые могильники.
168. Там же, стр. 11. Выдвинутое Маркевичем предположение об условиях гибели Неаполя скифского вероятно. Надо заметить, что до сих пор время прекращения жизни на городище вызывает споры. Материалов, относящихся к IV в.н.э., на городище ничтожно мало. Сейчас становится ясным, что в IV в. Неаполь как город уже не существовал. Признаки разрушения города падают преимущественно на III в. н.э. Гунны могли нанести лишь последний удар остаткам поселения на месте бывшего города.
169. Там же, стр. 10.
170. Преувеличенное представление Эрнста и Маркевича о слабости оборонительных стен Неаполя полностью опровергнуто исследованиями Неаполя в послевоенное время. См.: Карасев А.Н. Раскопки Неаполя скифского в 1949 г., КСИИМК, 1951, вып. XXXVII, стр. 163; Шульц П.Н. Исследования Неаполя скифского (1945 – 1950 гг.), стр. 68, сл.
171. Маркевич А.И., ук. соч., стр. 14. Автор не без основания указывает на смешанный характер населения Неаполя с преобладанием скифского элемента. Он правильно подчеркнул сосуществование в Неаполе двух культур – греческой и скифской, но ошибочно определил последнюю как «тавроскифскую», точнее было бы сказать «позднескифскую».
172. Там же, стр. 14. Правильным, программным для исследования Неаполя соображениями Маркевича, призывавшего изучить его не изолированно, но вместе с другими городищами Крыма, полностью противоречит его же предположение: «Но главное, существенное Неаполь уже, по-видимому, сказал». Послевоенные раскопки доказали, что Маркевич в этом ошибся. Исследования Неаполя лишь начаты, но уже многое дали и еще больше дадут. Для Неаполя все в будущем. Но копать его трудно, так как по «темным» разрушенным постройкам приходится восстанавливать облик города.
Следует напомнить, что Маркевич до того, как выступил со статьей о Неаполе, уделил этому памятнику значительное внимание в своей книге «Симферополь, его исторические судьбы, старина и недавнее прошлое» (Крымиздат, 1924, стр. 6 сл.). В ней Маркевич упоминает «... грубое изображение конного и пешего воина... на камне из Неаполя, находящемся в Центральном музее Тавриды Симферополя» (стр. 10). Местонахождение этого рельефа неизвестно. В Музее его нет.
173. Эрнст Н.Л. Отчет о раскопках склепов Неаполя скифского в 1927 г., Архив ЛОИА, N 134/1928; Он же. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму, стр. 84. Негатив снимка рельефа всадника в склепе N 6 хранится в негатеке Крымского областного краеведческого музея.
174. Эрнст Н.Л. Отчет об обследовании случайных и самовольных раскопок погребальных склепов у кол. Нейзац 13 – 15 июня 1927 г., ЛОИА, N 46, 1928, лл. 9 – 10. Негатив рельефа с примитивным изображением человеческой фигуры хранится в Областном музее. К сожалению, в архивах музея данных о склепе, к которому рельеф относится, разыскать не удалось.
175. Эрнст Н.Л. Предварительный отчет о разведках на городище Сарайлы-Кият у Симферополя в 1929 г., Архив ЛОИА, ф. 2, N 143/1930; Он же. Летопись археологических раскопок и разведок, стр. 89; Кеппен. Крымский сборник, стр. 334 – 335; St.Petersburgische Zeitung, 1835, N 103; Маркевич А.И. Кермен-Кыр. Древнее укрепление вблизи Симферополя, ИТУАК, 1889, N 8, стр. 114 сл., рис. 1; Дашевская О.Д. Скифское городище Красное (Кермен-Кыр), КСИИМК, 1957, вып. 70, стр. 108 – 117.
176. Эрнст Н.Л. Предварительный отчет о разведках на городище Сарайлы-Кият у Симферополя в 1929 г., Архив ЛОИА, ф. 2, N 143/1930; Шульц П.Н. Исследования Неаполя скифского... стр. 85, рис. 14, а, г.
177. Эрнст Н.Л. Летопись археологических раскопок и разведок..., стр. 89, Архив ЛОИА, ф. 2, N 150/1930.
178. Моисеев Л.А. Отчет о раскопках в Евпатории и Ак-Мечети, Архив ЛОИА, ф. 2, N 130/1930; Наливкина М.А. Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации, ПИДО, 1933, вып. 9 – 10, стр. 161 – 165. Вопрос о взаимоотношениях Херсонеса и

- 165. Вопрос о взаимоотношениях Херсонеса и скифов рассмотрен Л.А.Моисеевым в специальной статье: «Из истории западного побережья Тавриды, Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории», ИТУАК, С., 1918, N 54, стр. 241 - 259. Автор считает, что Херсонес «... взял у скифских царей всю равнину, т.е. С-З угол Тавриды, как бы на откуп и стал по отношению к ним в положение арендатора» (стр. 254). Во II в. до н.э. «Херсонес меняет свою политическую ориентацию и, игнорируя скифских царей, переходит из положения... арендатора в стране в роль полновластного ее хозяина... В ответ на это скифы занимают Прекрасную Гавань, овладевают Каркинитом, пресекая, таким образом, сразу возможность вывоза заготовленного там из равнины зерна» (стр. 255). Л.А.Моисеев рассматривает, таким образом, войну скифов и греков времен походов Диофанта как своего рода контрнатупление скифов против колонизаторов, нарушивших свои обязательства. «...Созревшая военная мощь скифской державы, - замечает он, - должна была, наконец, столкнуться с... мощью Херсонесской республики» (стр. 253).
179. Эрнст Н.Л. Отчет о разведочных раскопках городища Мамут-Султан, Архив ЛОИА, ф. 2, N 143/1931; он же. Летопись археологических раскопок и разведок, стр. 92.
180. Эрнст Н.Л. Доклад на Крымском пленуме ИИМК в 1936 г., Архив ЛОИА; об этом у В.Ф.Гайдукевича. Боспорское царство, М.-Л., 1949, стр. 530 - 531. Из 17 городищ, указанных Эрнстом, 8 обнаружены были до него: Неаполь, Кермен-Кыр, Мамут-Султан, Соловьевка, Хан-Эли, Аргин, Алма-Кермен, Алма-Тамак. Перечисленные городища, многие неоднократно (Неаполь), но большинство единично упоминались в сочинениях Бларамберга (ИТУАК, N 7, стр. 57 сл.); Дюбуа (St.Petersburgische Zeitung, 1835, N 1031; Кеппена (Крымский сборник, стр. 334, 336, 347, 350-351), Фабра (Достопамятнейшие древности Крыма, стр. 15 - 17), Кондараки (Универсальные описания Крыма), Маркевича (ИТУАК, N 8, стр. 114 - 115) и в других изданиях. В списке Эрнста не упомянуты городища: Джалман, около Эски-Сарая (Кеппен, ук. соч., стр. 335 - 336; Сб., Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии, С., 1890, стр. 39, рис...); Борла (с. Долиновка) на правом берегу реки Бурульча (Кеппен, ук. соч., стр. 352; Фабр, ук. соч., стр. 17); Барут-Ханэ, на правом берегу реки Зуя (Кеппен, ук. соч., стр. 851; Фабр, ук. соч., стр. 16, 851. Помимо этого, Кеппен упоминает еще три, может быть, позднескифских укрепления на реке Манкермен «Восточный Булганак», к северо-востоку от Карасубазара (п. Белогорск), Ханыч на вершине горы на правом берегу Бурульчи и Таш-Джарган (Кеппен, ук. соч., стр. 351, 352, 295, Фабр, ук. соч., стр. 16). Сведения о городищах Борла и Барут-Ханэ с планами городищ, выполненными Фабром, имеются в архиве Кеппена (Архив АН СССР, Л.О., ф. 30, N 475/1837, 217 - 223 сл.).
181. Шульц П.Н. О работе Евпаторийской экспедиции, СА, 1937, III, стр. 252 сл.; он же. Евпаторийский район, Археологические исследования в РСФСР, 1934 - 1936 гг., М.-Л., 1941, стр. 265 сл.; он же. Отчет о работах Евпаторийской экспедиции 1933 - 1934 гг., Архив ЛОИА, ф. 2, N 1445/1935. Шульц обследовал в эти годы на западном и северо-западном берегах Крыма 8 позднескифских городищ и 5 селищ, из них 2 зольничных. Из них 3 городища были отмечены раньше, сначала Бурачковым (О местоположении древнего города Каркинитеса..., ЗООИД, Одесса, 1875, т. IX, стр. 122 - 125), а затем Моисеевым близ д. Джага-Кульчук /с. Лазурное/, хутора Беляуса (Пересыпь) и у дер. Ойбур (Поповка) у Донузлавского озера. Впервые в Крыму было обращено внимание на позднескифские открытые поселения-селища.
- Отмечены также могильники около городищ Караджа, Джан-баба и Кара-Тобе. Было указано, что если греческие города и укрепления возникали в этих местах как бы от моря, на берегах, заливах, бухтах, удобных для причала судов, то, напротив, позднескифские укрепления формировались со стороны степей, часто на обрывистых берегах, удобных для сторожевых наблюдений за морем и проходившими кораблями.
182. Шульц П.Н. Исследования о скульптуре Северного Причерноморья, скифской и сарматской (Архив ЛОИА, ф. 2, 1446/1933 г., стр. 1 - 547). В работе рассмотрены доскифские изваяния и резные изобразяния на плитах эпох энеолита и бронзы, скифские и сарматские изваяния и рельефы, а также местная варварская скульптура Северного Причерноморья - Ольвии, Херсонеса и Боспорского царства.
183. Преснов Г.М. Музей Академии Художеств, Отдел античной скульптуры, Л., 1940, N 16/340, стр. 92, N 15/339, стр. 91.
184. Трей по недосмотру включил эту отливку в группу слепков с рельефного фриза колонны Трояна, чем и объясняется отсутствие упоминания этой отливки в его каталоге (Трей, Указатель скульптурного музея Академии художеств, СПб, 1871). На объединенном заседании сектора Северного Причерноморья ИИМК АН СССР и музея Скульптуры Академии Художеств П.Н.Шульц выступил с докладом о скульптурных портретах скифских царей Скилура и Палака, в котором разъяснил значение обнаруженного слепка (Архив ЛОИА).
185. Латышев В.В. Заметки по греческой эпиграфике, ИРАИМК, Л., 1921, 1, стр. 17-28. Латышев разъяснил, что перед именем Ходарза, очевидно, стояло имя Ахилла, может быть, отца Ходарза. Следовательно, первоначальное восстановление надписи, где Ходарз был назван царем (IOSPE, I², N 669), ошибочно. В этой же заметке Латышев не согласился с восстановлением надписи N 672, упоминающей сатархеев, предложенным И.И.Толстым (Остров Белый и Таврика, стр. 41).
186. Орешников А.В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья ИРАИМК, Л., 1921, 1, стр. 225-232. В этой работе Орешников уделил особое внимание монетам Ферзоя и Инисимея, уточнил их датировку (I - II вв.н.э.) и тем самым дал новые материалы к вопросу о вторичном подъеме позднескифского государства. Об укреплении скифов в I в. н.э., вновь осадивших Херсонес, достаточно ярко свидетельствует, как указал Орешников, поход в 62 г. Плавтия Сильвана, легата Мезии, с римскими легионарами, военными кораблями в Северном Причерноморье. Об этом см., Z.Halkin Tibering Plantins Aelianus legat de Mesie sous Neron. Lantiguite Klassique, III, 1, 1934, стр. 124 сл. Ростовцев считал, что войскам Рима и Херсонеса удалось отбросить скифов во время Плавтия Сильвана только после упорной борьбы (Диомон, 1934, X, 1, стр. 9).
187. Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Евксинском понте, 1918, П., стр. 1-162; Ростовцев М.И. Новая книга о Белом острове и Таврике, ИАК, 1918, вып. 65, П., стр. 177-197. В книге Толстого вопросы, связанные с Неаполем, его надписями и событиями времен Диофанта, затрагиваются на стр. 41, 96 - 97. Рецензия М.И.Ростовцева, написанная не менее блестяще, чем рецензируемая книга, в связи с вопросами истории позднескифского государства особенно важна, стр. 190.
188. Соболевский А.И. Русско-скифские этюды. Известия отделения русского языка и словесности АН СССР, 1921, вып. XXVI, стр. 1 - 44, 1922, вып. XXVII, стр. 259 - 282; он же. Топонимические заметки, ИТОИАЭ, С., 1929, III, стр. 1 - 2. Соболевский рассматривает два названия скифских городов «Хаб» и «Неаполь»,

привлекая тек...
 пишет Соболе...
 существующую...
 Симферополя...
 название этой...
 (ИТОИАЭ, III, о...
 дественен Эрк...
 Каркинит. По...
 ласком озере...
 Построения Со...
 ся с маршрото...
 ливо указал М...
 этюдах Соболе...
 ях (ук. соч., стр...
 Саударатов» (...
 ошибочно отне...
 воду он писал:...
 Р.Х.) подчинил...
 Херсонес. Ски...
 ленные городк...
 28).
 Как видим, раб...
 ставлена важн...
 бодна от неточ...
 189. Греков Б.Д. «П...
 димира на Кор...
 113, стр. 101. С...
 Тмутаракань и...
 ИТОИАЭ, 1928...
 Крыму был и ка...
 ние на Сурож р...
 го в первой пол...
 города Велико...
 Греков полемил...
 серьезные осн...

и около городищ Карад-
Было указано, что если
ния возникали в этих
ерегах, заливах, бухтах,
то, напротив, позд-
мировались со стороны
к берегах, удобных для
морем и проходившими

культуре Северного
арматской (Архив
1 – 547). В работе рас-
я и резные изображе-
бронзы, скифские и
ы, а также местная
ого Причерноморья -
ого царства.

Художеств, Отдел
N 16/340, стр. 92, N

ту отливку в группу
олонны Трояна, чем и
нания этой отливки в
культурного музея

ктора Северного
и музея Скульпту-
льц выступил с док-
к скифских царей
ьяснил значение

кой эпиграфике,
Латышев разъяс-
очевидно, стояло
дарза. Сле-
становление над-
ем (IOSPE, I², N
е Латышев не со-
иси N 672, уломи-
м И.И.Толстым

атике Черномор-
1, 1, стр. 225-232.
особое внимание
нил их датировку
е материалы к
нескифского го-
I в. н.э., вновь
око свиде-
поход в 62 г.
римскими ле-
Северном
in Tibering
Neron. Lantiguite
стовцев считал,
ось отбросить
только после
стр. 9).

а на Евксин-
овцев М.И. Но-
ИАК, 1918,
того вопросы,
и и событиями
стр. 41, 96 - 97.
я не менее
в связи с во-
ударства осо-

ды. Известия
ти АН СССР,
XXVII, стр.
пки, ИТОИАЭ,
смаживает
«Неаполь»,

привлекая текст Страбона [VII, 4,7]. «О Неаполе, -
пишет Соболевский, - мы можем только повторить
существующую уже догадку, что он был к Северу от
Симферополя, не очень далеко от Хаба..., скифское
название этой крепостцы нам неизвестно»
(ИТОИАЭ, III, стр. 1). Автор полагает, что Хаб тож-
дественен Эркабу Птолемея, лежавшему на реке
Каркинит. Последнюю автор локализует на Донуз-
лавском озере, которое некогда было устьем реки.
Построения Соболевского натянуты и не согласуют-
ся с маршрутом походов Диофанта, на что справед-
ливо указал Маркевич (ИТОИАЭ, III, стр. 10). В своих
этюдах Соболевский рассмотрел вопрос о сатархе-
ях (ук. соч., стр. 28) и отождествил их с сатавками и
саударатами. Скилур, по его мнению, «был царем
Саударатов» (стр. 21). Деятельность Скилура он
ошибочно отнес к I в. до н.э. (стр. 20). По этому по-
воду он писал: «... царь Саударатов Скилур (I в. до
Р.Х.) подчинил себе Ольвию и пытался подчинить
Херсонес. Скилур и его сыновья построили укреп-
ленные городки на Крымском полуострове» (стр.
28).

Как видим, работа А.И.Соболевского, в которой по-
ставлена важная историческая проблема, не сво-
бодна от неточностей и натяжек.

189. Греков Б.Д. «Повесть временных лет» о походе Вла-
димира на Корсунь, ИТОИАЭ, С., 1929, т. III, стр. 99 -
113, стр. 101. См. по этому вопросу И.П.Козловского,
Тмутаракань и Таматарха, Матарха-Тамань,
ИТОИАЭ, 1928, 59, стр. 58 - 73. Козловский пишет: «В
Крыму был и какой-то Новгород, потому, что нападе-
ние на Сурож русского князя Бравлина новгородско-
го в первой половине X в. не могло исходить из Нов-
города Великого» (стр. 63).
Греков полемизирует с Козловским, имея для этого
серьезные основания в археологическом материале.

190. Жебелев С.А. Последний Перисад и скифское вос-
стание на Боспоре, ИГАИМК, М.-Л., 1933, вып. 70,
стр. 36 сл., статья переиздана в ВДИ, 1938, N 3,
стр. 49 сл.; последнее переиздание в сборнике из-
бранных статей С.А.Жебелева «Северное Причер-
номорье», М.-Л., 1953, стр. 82 - 115. Мы будем ссы-
латься на последнее издание. См. также статью
Б.Д.Гракова. Значение работы С.А.Жебелева «По-
следний Перисад и скифское восстание на Боспоре»
для истории нашей страны (ВДИ, 1940, N 1, стр. 172
сл.). Характеристику позднескифского государства
времени Скилура и Палака Жебелев сосредоточил
на стр. 87 - 89.

191. Жебелев С.А., ук. соч., стр. 87 - 89.

192. Там же, стр. 90. Название главного города поздне-
скифского государства на крымском этапе его исто-
рии Неаполем, т.е. «Новым городом» означает, что
до него был, или здесь, или, скорее всего, в ином
месте, другой старый город, может быть, Метрополь
Птолемея [III, 5,14], находившийся в Нижнем Прид-
непровье. С.А.Жебелев правильно подчеркнул осо-
бый общегосударственный смысл, который греки
вкладывали в поселения «типа полиса». Рядовым
скифским поселениям вряд ли нужно было бы да-
вать транскрипцию, на греческом языке с включени-
ем понятия «полис» как государственного целого.
193. Там же, стр. 91. Стремление поздних скифов укреп-
ить свои позиции на берегах Черного моря и под-
чинить себе экономически и политически Ольвию,
Калос Лимен, Керкинитиду, что на время удалось, а
затем Херсонес, Феодосию и Пантикапей, что не
удалось, хотя попытки к этому и были, хорошо под-
черкнуто Жебелевым. Взгляды Жебелева по данно-
му вопросу получили подтверждение и в новом ар-
хеологическом материале, полученном на западном
и северо-западном побережье Крыма.